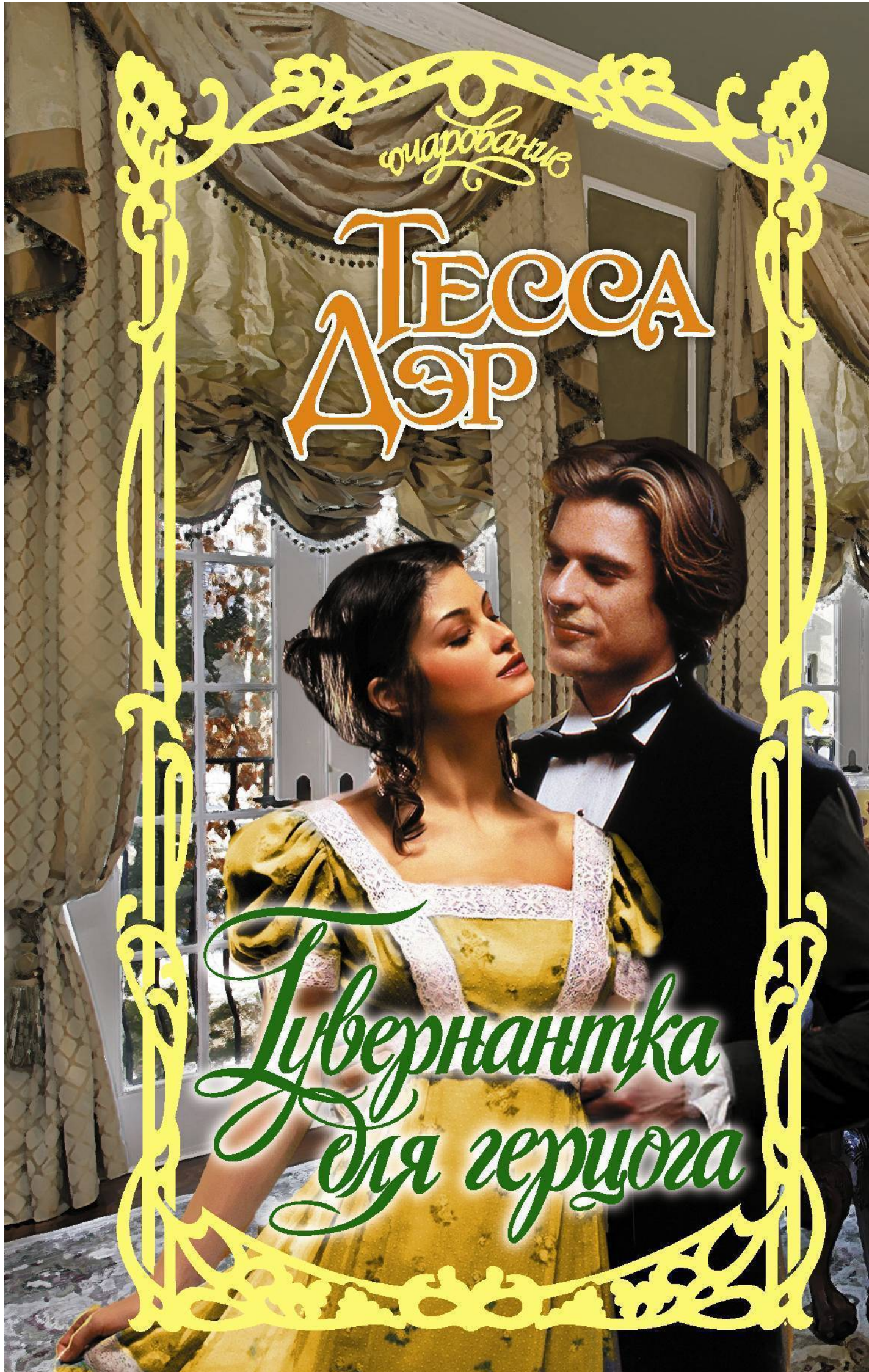

очарование

ТЕССА ДЭР

Лювернянтка
для герцога

Очарование (АСТ)

Тесса Дэр

Гувернантка для герцога

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Дэр Т.

Гувернантка для герцога / Т. Дэр — «Издательство АСТ»,
2018 — (Очарование (АСТ))

ISBN 978-5-17-117437-8

Независимая и гордая американка Александра Маунтбаттен не искала ни любви, ни мужа, ни – тем более – места гувернантки. Однако неожиданное и нелепое недоразумение заставило ее поневоле принять пост наставницы двух маленьких дьяволят в юбочках – Розамунды и Дейзи, подопечных самого скандального повесы лондонского света. Мир еще не видывал более легкомысленного холостяка, чем наследник герцогского титула и состояния Чейз Рено. Он равно безнадежен в качестве опекуна для девочек и в качестве потенциального жениха для светских девиц. А новая гувернантка немедленно вызывает у него одно желание – соблазнить ее. Однако Александра вовсе не собирается пасть очередной жертвой чар Чейза. Напротив, она намерена преподать герцогу хороший урок...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-117437-8

© Дэр Т., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	29
Глава 6	32
Глава 7	36
Глава 8	39
Глава 9	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Тесса Дэр

Гувернантка для герцога

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Tessa Dare
THE GOVERNESS GAME

Перевод с английского *И.П. Родина*

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством Fort Ross Inc.

Печатается с разрешения литературных агентств The Axelrod Agency и Andrew Nurnberg.

© Eve Ortega, 2018

© Перевод. И.П. Родин, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Пролог

Александра Маунтбаттен обладала здравым смыслом в полной мере. Так считали ее подруги.

Но, честно говоря, здравый смысл у Алекс совершенно отсутствовал, во всяком случае, в ту минуту, когда перед ней предстал обворожительный джентльмен с дерзкими зелеными глазами. Если бы ей тогда хватило хоть чуточку рассудительности, она никогда бы не сделала ошибку, которую позволила себе, увидев того особенного покупателя в книжной лавке.

Даже сейчас, полгода спустя, она воспроизводила в памяти ту полную неловкости сцену во всех подробностях, словно наблюдая ее на подмостках сцены.

Место действия: книжная лавка Хэтчарда.

Время действия: вторая половина пятницы ноября.

Действующие лица: Александра, конечно; три ее ближайшие подруги – Никола Тиг, леди Пенелопа Кэмпбелл и Эмма Пембрук, герцогиня Эшбери.

Главное действующее лицо (выдайте гром фанфар, пожалуйста!): Повеса из Книжной Лавки, как окрестили ее подруги, собственной персоной.

Описание сцены.

В одной руке Александра на весу держит стопку книг Николы, а свободной рукой лихо-радожно листает книгу, которую только что купила для себя. Это подержанный экземпляр «Каталога звездных скоплений и туманностей» Шарля Мессье, который Алекс, как жемчужное зерно, сумела отыскать в развале старых книг. Об этом «Каталоге» Алекс мечтала целую вечность. Сразу после выхода в свет нового издания ей не удалось его купить.

Вот сейчас она быстро просматривает описания небесных туманностей... И тут – бац! – следует столкновение космического масштаба.

Причина осталась непонятной. Возможно, она машинально сделала шаг назад, а может, джентльмен повернулся не глядя. Неважно! Вне зависимости от того, кто кого толкнул локтем и чью задел руку, сработал закон физики о действии, равном противодействию. Потом вступило в силу земное тяготение – все ее книги грохнулись на пол. А когда Алекс оторвала взгляд от разлетевшихся по полу книг и посмотрела вверх... Он стоял перед ней!

Волнистые каштановые волосы, модная одежда, запах одеколона – так благоухает грех – и улыбка... Не было никакого сомнения: такую улыбку вырабатывают еще в детстве – как инструмент воздействия на женщин, чтобы всегда и все прощали.

С дружеским участием джентльмен собрал книги. Алекс даже не шевельнулась, чтобы ему помочь. Он поинтересовался, как ее зовут, но она стояла онемев.

Зеленоглазый красавец попросил у нее совета, какую книгу купить в подарок двум юным леди, но она продолжала молчать.

Молодой человек придвинулся ближе. Алекс вдохнула его одеколон с таким мужским хвойным ароматом – и чуть не рухнула в обморок.

Но тут незнакомец тепло взглянул на нее, то есть посмотрел на нее по-настоящему, что случается редко, так как это означает дать разрешение посмотреть на себя по-настоящему в ответ. Равносильные и противоположные реакции.

Этот человек заставил Алекс почувствовать себя единственной женщиной в книжной лавке. Возможно, единственной женщиной во всем мире. Или даже во всей Вселенной.

Казалось, тот миг длился целую вечность, но все равно закончился слишком скоро.

Затем незнакомец быстро поклонился, произнес свое «adieu» – «прощайте» по-французски – и быстрым шагом пошел к выходу. Он ушел, как оказалось, с «Каталогом» Мессье под мышкой, оставив Александру с книгой безвкусных историй, рассчитанных на юных леди.

Занавес. Конец сцены.

По крайней мере, подразумевалось, что это конец.

Алекс была полна решимости стереть воспоминание о том происшествии со своей мысленной грифельной доски, но Пенни, самая безнадежно романтическая из подруг, не позволила.

Так как молодой человек не представился, Пенни сама наградила его невообразимыми титулами. Сначала он был просто Повесой из Книжной Лавки, но недели шли и его быстро возвысили до уровня пэров – Сэр Читатель, Лорд от Литературы, Герцог Хэтчард.

«Прекрати, – повторяла себе Алекс снова и сно-ва. – Это произошло сто лет назад и я больше не думаю о нем. Как и он наверняка не вспоминает обо мне. Все это пустое».

Если бы! Память о той встрече продолжала храниться где-то в дальнем уголке ее глупого сердца, расцветивалась там всеми цветами радуги, потихоньку начинала сверкать, искриться, заставляя думать... о том, в чем признаться вслух даже близким подругам было смерти подобно. Если уж совсем откровенно, Алекс и себе старалась не признаваться в этом.

С того самого дня, когда бы ей ни доводилось навещать книжную лавку Хэтчарда, или «Храм муз», или даже «Библиотеку Минервы», она высматривала его. Представляла, как они вновь столкнутся и он признается ей потом, за вечерним чаем, который плавно перетечет в ужин, что тоже искал ее во всех книжных лавках в надежде встретиться. Потому, разумеется, что за те две минуты болезненного одностороннего разговора он вдруг почувствовал, что потерявшаяся нескладная девушка из простых, невысокая – ее можно было бы спокойно поместить в посудный шкаф среднего размера – это предел его всегдашних мечтаний.

«Ты – та самая, которую я искал так долго».

«Теперь, когда я нашел тебя, я никуда тебя не отпускаю».

«Александра, ты нужна мне».

А вы говорите – здравый смысл!

Алекс работала часовщиком в домах богатых клиентов, и у нее не было свободного времени, чтобы помечтать. Она определила себе жизненные цели и упорно трудилась, чтобы достичь их. Она прочно стояла на земле: плечи расправлены, взгляд устремлен вперед.

Ей непозволительно – абсолютно непозволительно! – увлекаться романтическими фантазиями.

Жаль только, что воображение не подчинялось подобным установкам. В ее мечтах при встрече с незнакомцем после вечернего чаепития следовала прогулка в парке, сопровождавшаяся душевными беседами, поцелуями при звездах и даже – чувство гордости замолкало при мысли об этом – предложением руки и сердца.

Да-да, предложение руки и сердца, а потом – свадьба.

Согласна ли ты взять в мужья Повесу из Книжной Лавки, у которого такой кошмарный вкус в детской литературе?

Абсурд!

После нескольких месяцев попыток справиться с откровенным безумием Алекс сдалась. По крайней мере, фантазии – какими бы глупыми они ни казались – были ее фантазиями, они помогали ей хранить свою сердечную тайну. И потом, было совершенно невероятно, чтобы она когда-нибудь вновь встретила Повесу из Книжной Лавки.

Так продолжалось до утра того дня, когда это все-таки случилось.

Глава 1

Утро началось точно так же, как начинались все утра Чейза в последнее время, – с трагической кончины.

– Она умерла.

Он повернулся на бок, поморгал – лицо Розамунды стало четче видно.

– От чего на этот раз?

– Тиф.

– Очаровательно!

Взявшись за мягкий подлокотник софы, он подтянулся и сел. И тогда на него накатила волна жалости к себе. Чейз потерял виски, страдая от воспоминаний о том, как провел ночь, как распутничал ни свет ни заря этим утром. Заодно решил, что стоит пожалеть и о своей зря потраченной юности. Немного прояснилось его расписание на вечер.

– Похороны могут подождать.

Наконец в его голове перестали бить колокола, и он смыл с себя назойливый запах французских духов.

– Нет, это нужно сделать как можно быстрее. Дейзи говорит, зараза может распространиться дальше. Она как раз сейчас готовит тело.

Чейз застонал, но решил: спорить не имеет смысла, лучше сразу со всем покончить.

Когда они начали подниматься по лестнице из четырех пролетов, ведущей к детской, Чейз обратился к своей десятилетней воспитаннице:

– Ты можешь что-нибудь сделать с этим?

– А вы?

– Она ведь твоя младшая сестра.

– Но вы ее опекун.

Поморщившись, он потерял пульсирующий болью висок.

– Умение поддерживать дисциплину не относится к моим талантам.

– А покорность не относится к нашим достоинствам, – откликнулась Розамунда.

– Я это уже понял. Не думай, что я не заметил, как ты прикарманила тот шиллинг со стола.

Они добрались до верхней площадки и пошли по коридору.

– Послушай, это надо прекратить. В привилегированные пансионы не принимают малолетних воровок и серийных убийц.

– Это не убийство. Это был тиф.

– Ну кто бы сомневался!

– И мы не желаем отправляться в пансион.

– Розамунда, тебе пора выучить один неприятный урок. – Чейз открыл дверь в детскую. – В жизни не всегда удается получить то, что хочется.

Уж кому-кому, а Чейзу это было известно слишком хорошо. Он не желал становиться опекуном девчонок-сирот. Ему совсем не хотелось оказаться первым в очереди претендентов на титул герцога Бельвуа. И меньше всего ему хотелось присутствовать уже на четвертых похоронах за последние несколько дней. Тем не менее он вошел в детскую.

Дейзи повернулась к ним. Кружевная черная вуаль покрывала ее светловолосую головку.

– Пожалуйста, выразите свое уважение покойной. – Она взмахнула рукой, чтобы Чейз вышел вперед.

Он послушно подошел к ней, встал рядом и наклонился, чтобы девочка смогла приколоть ему траурную повязку на рукав сорочки.

– Выражаю сочувствие вашей потере. Весьма сожалею, – сказал он.

«Я очень сожалею! Ты даже не представляешь себе, с какой силой я сожалею!»

Чейз занял свое место у изголовья кровати и стал разглядывать покойницу. Она была бледна как привидение и закутана в саван. На глазах у нее лежали пуговицы. Ну слава богу! А то сейчас его страшно нервировал бы бессмысленный взгляд круглых глаз.

Взяв опекуна за руку, Дейзи склонила головку и начала читать молитву.

– Мистер Рейно, будьте любезны, скажите несколько слов.

Чейз закатил глаза к потолку. Господи, помоги!

– Отец наш всемогущий, – начал он уныло, – просим тебя, прими душу Миллисент. Прах к праху. Опилки к опилкам. Она была молчаливой куклой, вдобавок не могла двигаться самостоятельно, но навеки запомнится нам своей всегдашней – некоторые могут сказать: постоянно рисовавшейся – улыбкой на личике. Мы знаем, что по милости Небес она воскреснет – возможно, уже к ланчу. – И добавил себе под нос: – К сожалению!

– Аминь, – пропела Дейзи торжественно, опустила куклу в деревянный ящик для игрушек и закрыла крышку.

Угнетающую тишину нарушила Розамунда.

– Пойдем вниз, на кухню, Дейзи. У нас на завтрак булочки с маслом и джемом.

– Вы будете завтракать здесь, – поправил ее Чейз, – в детской. Сейчас ваша гувернантка...

– Наша гувернантка? – Дейзи послала ему полный нежности невинный взгляд. – Но в данную минуту у нас нет гувернантки.

Он застонал.

– Только не говорите мне, что гувернантка ушла. Я нанял ее вчера!

– Мы избавились от нее в пять часов с четвертью пополудни, – горделиво сообщила Розамунда. – Это новый рекорд.

Невероятно!

Чеканя шаг, Чейз подошел к карте мира на стене и выдернул булавку из рамки. Здесь! Наобум вонзил булавку в ничего не подозревавшую страну и властно указал на нее пальцем.

– Я отправлю вас в пансион вот сюда, – произнес он и искоса глянул на карту. – На Мальту!

Вне себя от гнева, Чейз вылетел из комнаты, стремительно проделав путь через четыре пролета лестницы, холл и кухню – весь путь отступления. Ворвавшись к себе, он захлопнул за собой дверь, запер на ключ и только тогда смог отдышаться.

Для джентльмена-сибарита все это было слишком. Он чувствовал себя вымотанным. Ему требовалось принять ванну, побриться, сменить одежду и выпить порошок от головной боли. Через час придет Барроу с кучей бумаг, которые нужно просмотреть, и с банковскими счетами, которые нужно подписать. Вечером в клубе состоится очередной кутеж. А сейчас ему необходимо подумать о том, чтобы нанять очередную гувернантку.

Но перед тем как он предстанет перед любой из претенденток, надо выпить. Прокладывая себе путь к бару, он отодвинул в сторону карточный столик, покрытый запывлившейся скатертью, и прислонил к стене стопку картин, которые ждали, когда их наконец развешат. Его апартаменты находились в стадии ремонта.

У него, конечно, имелась прекрасно обставленная спальня наверху, но в данное время ему нужно было обосноваться в таком месте, которое будет находиться от детской как можно дальше. Это было в интересах двух девчонок и его самого. Он предпочел бы не знать, какие проказы устраивают его подопечные наверху, а они не должны ничего знать о его порочных выходках на первом этаже.

Чейз откупорил бутылку вина и наполнил большой бокал. Немного рановато для бургундского... Ну и что с того? В конце концов, в доме траур. Куда тут денешься, если надо помянуть Миллисент.

Он опорожнил половину бокала в один глоток и вдруг услышал легкий стук в дверь. Не в ту дверь, которая вела на кухню, нет, а в ту, что выходила на улицу.

Чейз тихо выругался, оторвавшись от бургундского. Это, должно быть, заявила Колетт. Они хорошо повеселились несколько ночей назад, но, судя по всему, ни его репутация, ни прощальный букет, отправленный ей, не оказали своего воздействия. Значит, ему предстоит разговор с ней.

«Дело не в тебе, дорогуша. Дело во мне. Я никчемный, безнадежно испорченный человек. Ты достойна лучшего».

Все это было правдой – банальной правдой, как бы это ни воспринималось на слух. Когда речь заходила об отношениях, романтических или любых других, у Чейза было одно правило: никаких привязанностей!

Его слова о жизни забудутся, его предложения заняться любовью забудутся. Слова о том, что он собирается отправить своих подопечных в пансион, тоже забудутся. А вот любое обещание, которое он даст, может принести страдания.

– Заходи! – крикнул Чейз, не потрудившись обернуться. – Там открыто.

Дуновение ветерка коснулось его шеи, когда двери приоткрыли, а потом прикрыли – тихо, словно кончиками пальцев.

Он взял еще один бокал и наполнил.

– Вернулась за добавкой, да? Ненасытная шалунья. Я так и понял, что ты не случайно забыла здесь свой чулок в ту... – Чейз повернулся с бокалами в руках и нахальной улыбкой на лице. – В ту ночь.

Как интересно! В комнату вошла совсем другая особа.

Особа, совершенно непохожая на Колетт!

Перед ним стояла хрупкая темноволосая девушка. Она стискивала в руках потертую коричневую сумку, а глаза были полны неподдельного ужаса. Чейз видел, как у девушки отливала кровь от лица, накапливаясь у основания шеи жаркой краснотой.

– Доброе утро, – любезно произнес Чейз.

В ответ девушка громко сглотнула, протолкнув комок, стоявший в горле.

– Вот. – Левой рукой он протянул ей бокал вина. – Возьмите. У вас такой вид, будто вам требуется выпить.

Он!

Это был он. Александра узнала бы его где угодно. Черты его лица отпечатались у нее в памяти. Молодой человек был красив, невероятно красив. Дерзкие зеленые глаза, шапка темных волос и эта соблазнительная кривая улыбка. Ради такой улыбки любая женщина была бы готова лишиться добродетели прямо посреди комнаты, заполненной людьми.

Александра вдруг сообразила, что стоит, практически касаясь носками туфель – сказать «стояла лицом к лицу» нельзя, потому что она была совсем маленького роста, – того самого Повесы из Книжной Лавки, который наконец предстал перед ней во плоти.

Такой сокрушительно реальный!

Рукава сорочки закатаны до локтей, ворот расстегнут, галстук отсутствует. Чтобы не пачкаться на него, Александра опустила глаза.

Господи! Он, оказывается, еще и босой.

– Я... Простите, мне показалось, что эта дверь для слуг. Я сейчас же уйду. – Она низко склонила голову, молясь про себя, чтобы он не узнал ее. Если она уйдет прямо сейчас, такую встречу можно будет пережить.

– Вы ничуть не ошиблись. Еще несколько недель назад этой дверью действительно пользовались слуги. Теперь это помещение предназначено для моих личных целей. Что-то вроде убежища для джентльмена.

Алекс окинула взглядом комнату. «Цели» джентльмена были вполне очевидны. Бар, полный напитков. Плюшевый шезлонг. Фиолетовые бархатные портьеры. На полу шкура какого-то лохматого зверя. На стене олени рога.

А еще тут был кем-то забытый чулок, про который он уже упоминал. Чулок свисал с рога как белый флаг, как признание капитуляции.

Судя по всему, она попала в логово наслаждения.

От смущения девушку охватил жар, на лбу выступили бисеринки пота.

– Я здесь явно не ко времени. Зайду в другой раз.

Крепко зажав в руках сумку, она попыталась обойти хозяина комнаты сбоку, но это было совсем не просто. Он оказался очень быстрым и очень высоким, а также мускулистым и мужественным. Шагнув в сторону, он преградил ей дорогу к двери.

– Поверьте, для меня большое удовольствие видеть вас.

«А для меня большое удовольствие вас не видеть».

Заслонив рукой лицо, Алекс украдкой посмотрела на картину, висевшую на стене. На ней была изображена обнаженная женщина, которая осмотрительно прикрывала веером сокровенную часть тела.

– На прошлой неделе я оставила у вас свою карточку. Собиралась поговорить с экономкой, чтобы предложить ей свои услуги.

– Ну разумеется.

– Тогда, может, вы направите меня к ней?

– Все собеседования я провожу сам. Это экономит время, как мне кажется.

Удивившись, Алекс подняла на него глаза. Это было весьма необычно для джентльмена и хозяина дома: беседовать с той, чьими услугами он собирался воспользоваться, – ведь речь шла всего лишь о подводке часов по Гринвичу раз в неделю.

– Простите меня. Я начну собеседование первым. – Он склонил голову в формальном поклоне. – Чейз Рейно.

Чейз Рейно?

Значит, мистер Чейз Рейно.

Тогда – миссис Александра Рейно?

Ради бога, уймись!

Отставив бокалы с вином, он вытер руки о брюки.

– Мы можем обсудить условия вашего немедленного приема на работу. Располагайтесь удобнее.

Алекс предпочла бы стать невидимой. Она отошла к окну отчасти из-за безотчетного желания укрыться за шторами, но еще и потому, что ее внимание привлекло мерцание бронзы.

Неужели это?..

Да! Отодвинув в сторону бархатную портьеру, она нашла подтверждение своим надеждам.

Телескоп!

С детских лет картина ночного неба привлекала ее. Жизнь на борту торгового судна давала мало развлечений после захода солнца. Она так часто забирала у отца его подзорную трубу, что в конце концов он сдался и купил ей такую же в личное пользование. Здесь, в Лондоне, Алекс чуть не разорилась, купив себе за шестнадцать шиллингов телескоп в лавке, где шлифовали линзы. Но то был инструмент для любителя.

А этот...

Этот, без сомнения, представлял собой самую изумительную вещь, к которой ей когда-либо удалось прикоснуться.

Не раздумывая долго, Александра наклонилась и заглянула в окуляр. И поняла, что инструмент был направлен на окно мансарды дома, стоявшего на противоположной стороне улицы.

Это была комната, где обитали служанки, молоденькие и миленькие наверняка. Алекс сменила игривое направление трубы, перенацелив ее на цветник в центре площади. Господи, теперь она могла видеть каждую желто-зеленую травинку, вылезавшую из почвы на газоне!

У нее за спиной звякнул бокал. Вздвогнув, Алекс отшатнулась от телескопа. От резкого движения телескоп крутануло на вращающейся подставке – труба чуть не сбила стоявшую рядом вазу. Алекс успела вовремя поймать ее в воздухе, продемонстрировав тем самым профессиональную хватку.

«Почему бы и нет, я здесь для того, чтобы предложить свое умение обращаться со сложными, дорогими механизмами».

– Простите, я не расслышал ваше имя: мисс?..

Ее язык словно завязали морским узлом.

– Маунтбаттен, – все-таки сумела произнести она. – Александра Маунтбаттен.

Склонив голову набок, он испытующе смотрел на нее.

У нее замерло сердце в предвкушении.

Александра не ожидала, конечно, что он тут же признается ей в любви. Нет, самое большее будет: «Мы не встречались раньше?» Или: «Ах да! Мы встречались у Хэтчарда, верно?»

– Мисс Маунтбаттен, мне исключительно приятно познакомиться с вами.

О, он не помнит об их встрече!

Вот и чудесно, сказала себе Алекс. Если бы он запомнил ее, в его памяти она осталась бы неуклюжей, нелепой любительницей чтения, которая не заслуживает внимания. А теперь это вообще подарок судьбы – можно не тратить время на мечтания о нем, не испытывать душевной боли.

Тем не менее разум отказывал ей, когда она думала об этом человеке. Алекс все же чувствовала себя уязвленной, совсем, правда, немного. В глубине души ее гордость страдала от явных доказательств собственной глупости.

Он убрал с чайного столика канделябр с оплывшими свечами и два пустых бокала для бренди, сдернул с рога забытый чулок и после короткого раздумья, куда бы его надежнее спрятать, скомкал и сунул за подушку.

– Я и правда должна идти, – сказала Алекс. – Мне кажется, я отвлекла вас от чего-то важного...

– Ни от чего вы меня не отвлекли. Во всяком случае, ни от чего серьезного. – Он похлопал по спинке кресла. – Присядьте.

Алекс беспомощно посмотрела на предложенное кресло. Чейз сел на кушетку напротив. И утонул в ней. Это дало Алекс повод представить, как обивка на кушетке вытягивалась и принимала форму тел тех, кто встречался на ней в жарких объятиях.

Он нанес последний курьезный удар по приличиям, когда растопыренной пятерней стал приглаживать свои растрепанные каштановые волосы.

– У меня есть двое, за которыми нужен глаз да глаз.

Часы!

Да, сосредоточимся на часах. На тикающих штуках с циферблатами, стрелками и шестеренками. Они были средством заработать на жизнь, когда Алекс стучалась в задние двери особняков на Мейфэре, пытаясь найти как можно больше клиентов.

Она здесь не для того, чтобы с тупым видом таращиться на завитки волос на его груди, или попытаться понять смысл траурной ленты у него на рукаве, или высечь себя за идиотские выдумки, что вот сейчас этот молодой красавец заключит ее в объятия, признается, что

несколько месяцев страдает от любви к ней, и поклянется, что покончит с порочным образом жизни, потому что благодаря ей его жизнь обрела смысл.

Алекс с грохотом захлопнула крышку сундука со своими фантазиями, затянула на нем ремни, навесила замок, а потом сбросила вниз с обрыва.

Это всего лишь один из деловых визитов.

Он начал:

– Я не стану рассказывать предысторию. Их передавали друг другу мои родственники, пока они не оказались у меня прошлой осенью.

Значит, фамильная ценность.

– Полагаю, они дорогие?

– О да, – сухо откликнулся Чейз. – Действительно, дорогие. Если честно, даже не представляю, как с ними поступить. Я получил их вместе с титулом.

– С титулом? – удивилась Алекс.

– Бельвуа. – Когда она не отреагировала, Чейз добавил: – С титулом герцога.

Не удержавшись, Алекс прыснула.

Герцог? О, как Пенни будет торжествовать – она предполагала что-то вроде этого.

– Поверьте, – продолжал он, – я тоже считаю это абсурдным. Вообще-то в настоящее время я всего лишь наследник герцога. Вследствие дряхлости моего дядюшки мне передали установленные законом герцогские обязанности. Одни обязанности и никаких привилегий. – Молодой человек вяло махнул рукой в ее сторону. – Ну что ж... Теперь проведите для меня урок.

– Э... Простите, что?

– Я мог бы навести справки о вашем образовании и опыте, но это мне кажется пустой тратой времени. Вы можете продемонстрировать ваши знания на практике.

Что это значит? Ему хочется узнать, как работает часовой механизм? Возможно, он имеет в виду хронометр – карманные часы. Она сможет объяснить ему, почему у хронометра ход точный, а напольные часы, например, отстают на несколько минут каждый день.

– Какой именно урок вы хотите получить?

Он пожал плечами.

– Любой, какой вы сочтете нужным.

Алекс не выдержала, закрыла лицо руками и застонала.

Молодой человек наклонился к ней.

– Вы больны? Надеюсь, это не тиф.

– Нет, это разочарование. Я рассчитывала на другое. Надо было быть умнее.

Он вскинул брови.

– На что именно вы рассчитывали?

– Вам не захочется узнать.

«А мне не хочется об этом рассказывать».

– О, напротив, мне не терпится узнать, на что вы рассчитывали.

– Нет, это ни к чему. Совсем ни к чему.

– Перестаньте! Эти отнекивания только еще больше интригуют. Давайте покончим с этим прямо сейчас.

– Джентльмен... – пробормотала она. – Я рассчитывала увидеть джентльмена.

– Вы не ошиблись. Я и есть джентльмен. А через какое-то время стану пэром.

– Не в этом дело. Я думала, что вы почтенный, деликатный, благородный – образцовый джентльмен.

– А, вот вы о чем, – протянул он. – Тогда это действительно было неосмотрительно с вашей стороны.

– Судя по всему, да. Вы только взгляните на себя.

Алекс посмотрела на его широкие плечи, потом отметила мятую ткань сорочки. Ее взгляд опустился к распахнутому вороту, где интригующе обозначился клин обнаженной мускулистой груди. Кожа была гладкой и упругой, контуры мускулов виднелись отчетливо.

Теперь она, не скрываясь, таращила на него.

– А эта комната?.. На столе выстроились бокалы из-под вина. В воздухе до сих пор висит запах духов. Какой джентльмен станет проводить собеседование о приеме на работу в... – Алекс обвела помещение рукой, пытаясь подобрать слова. – «В пещере похоти».

– В «пещере похоти»? – повторил он. – Хорошо сказано! Надо будет выгравировать это на табличке и повесить на входной двери.

– Теперь вы поняли, в чем моя ошибка. – Слова сами вылетали из ее уст, опрометчивые, безрассудные. Такие слова назад не вернешь. Она просто не знала, что делать. – Когда я открыла дверь сюда, то по глупости ожидала увидеть мужчину, который не позволит леди разгуливать по Лондону в одном чулке и не позволит себе говорить, что в этом нет ничего странного. Чулки – это весьма серьезно и важно, мистер Рейно. Женщины, которые носят их, это тоже весьма серьезно и важно. – В довершение Алекс победно ткнула пальцем в траурную ленту на его рукаве. – И все это происходит во время траура.

– Ну, это я могу объяснить.

– Пожалуйста, не надо. Урок и так получился достаточно жестоким. – Алекс покачала головой. – А тут еще телескоп...

– Минуту! – Он наклонился вперед. – А при чем здесь телескоп?

– При том, что... – Александра вдохновенно вытянула руку в сторону оптического прибора. – Это подлинный Доллонд. Сорокашестидюймовый, ахроматический, с тремя объективами апертурой в три и три четверти дюйма. Кожух полированного дерева с выдвижной бронзовой трубой. Способность увеличения объектов на Земле – шестикратная, а небесных объектов – стовосьмидесятикратная. Можно только мечтать о таком инструменте, а вы позволяете ему собирать пыль на подоконнике. Это... От этого сердце разрывается.

И ведь в самом деле разрывалось.

Потом Алекс винила только себя. Это ведь были ее оценки.

Кошмарный литературный вкус. Очаровательная улыбка, обещавшая то, что ни один мужчина не собирался исполнять. А глаза?.. В его взгляде была сила, были чары, под воздействием которых она переставала что-либо соображать. Он вращался среди молоденьких девушек в книжных лавках, не соблюдая правил хорошего тона, потому что прятал этот взгляд под широкими полями своей шляпы.

Ее единственным утешением оставалось то, что этот мужчина забудет их разговор, как только она выйдет отсюда, точно так же, как забыл их первую встречу.

– Благодарю вас, мистер Рейно. Вы сегодня преподали мне исключительно необходимый урок. – Тяжело вздохнув, Алекс взглянула на стену. – Рога. Настоящие?

После продолжительной паузы он тихо присвистнул.

Она встала, взяла в руки свою сумку.

– Можете меня не провожать.

– О нет! – Он тоже поднялся. – Мисс Маунтбаттен, это было прекрасно.

– Что именно?

– Просто роскошно! Я с большим удовольствием воспользуюсь вашими услугами.

Возможно, она все поняла не так. Возможно, он не был Повесой из Книжной Лавки, а был Чокнутым из Книжной Лавки.

Затем молодой человек подошел и сделал нечто абсолютно непостижимое: посмотрел ей в глаза, слегка улыбнулся, сумев при этом продемонстрировать очаровательные ямочки на щеках, и произнес слова, которые она, как дура, так мечтала от него услышать.

– В вас, – сказал он, – есть все, что я искал так долго. Я никуда вас не отпускаю.

О...

– Пойдемте со мной. Мои подопечные будут счастливы познакомиться со своей новой гувернанткой.

Глава 2

Гувернанткой?

Александра потеряла дар речи.

– Пойдемте, я провожу вас наверх.

Со свойственной мужчинам решительностью мистер Рейно забрал у нее сумку. Когда он освобождал Алекс от этой тяжести, его рука слегка коснулась ее руки. Мимолетный контакт окончательно выбил Алекс из колеи. Он повернулся и направился в дальний конец комнаты.

– Сюда, пожалуйста.

Алекс потеряла внезапно озябшие руки и последовала за ним. Разве она могла поступить по-другому? Он уносил с собой ее сумку, а в ней хронометр, тетрадь со списком клиентов и перечнем назначенных встреч – то есть все ее средства к существованию.

– Мистер Рейно, я...

– Моих воспитанниц зовут Розамунда и Дейзи. Десяти и семи лет соответственно. Они сестры.

– Мистер Рейно, пожалуйста! Не могли бы мы...

Он провел ее через кухню. Преодолев несколько ступенек короткой лестницы, они оказались в коридоре первого этажа, стены которого были затянуты полосатым шелком изумрудного цвета. Под ногами мягко пружинил ковер, и у нее сложилось впечатление, что они шагают по облакам. По работе ей приходилось часто бывать в богатых лондонских особняках, но она не переставала удивляться роскоши.

Затем они двинулись вверх по главной лестнице, причем мистер Рейно шагал через две ступеньки сразу.

– Девочки носят фамилию Ферфакс, но скорее всего она досталась им при удочерении. Они внебрачные дети. Какие-то дальние родственники признали их и передоверили опеку над ними тому, кто унаследует титул и имущество.

Пока они пролет за пролетом преодолевали лестницу, Александре, которая едва поспевала за хозяином дома, не удалось сменить тему разговора.

– На Михайлов день я отправлю их в школу-пансион. – И он устало добавил: – При условии, что удастся подмазать кого-нибудь в приличной школе, чтобы их приняли.

Наконец они добрались до верхнего этажа. Алекс схватила его за рукав.

– Мистер Рейно, пожалуйста. Это недоразумение. Чудовищное недоразумение!

– Вот уж нет. Мы прекрасно поняли друг друга. Я не вполне джентльмен, как вы сказали, но совсем не глуп. Умение отчитывать, которое вы продемонстрировали внизу, просто чудесно. Девочкам требуется строгость, твердая рука. Дисциплина! Я последняя живая душа на Земле, которая сможет научить их прилично себя вести. А вы, мисс Маунтбаттен, созданы для такой работы. – Он указал на дверь комнаты в самом начале коридора. – У вас будет здесь собственная спальня, разумеется, а детская – вон там.

– Подождите...

– Мы пришли. – Чейз распахнул дверь в детскую.

Разум Александры отказался понимать увиденное. Две девочки с льняными волосами стояли по разные стороны кровати. Роскошной кровати! Кружевной балдахин лавандового цвета над ней поддерживали позолоченные столбы, занавеси в тон были подвязаны розовыми шнурами. О такой кровати могла бы мечтать любая девочка. А вот вид постели... Белоснежные простыни были покрыты багровыми полосами и пятнами.

– Вы опоздали. – Младшая из двух юных особ обернулась к ним. Выражение ее лица было траурно-торжественным. – Она умерла.

– Да чтоб вас, – тяжело вздохнул мистер Рейно. – Опять?

Чейз не поверил своим глазам.

Два раза за одно утро! Это невыносимо.

Он бросил сумку мисс Маунтбаттен на пол и шагнул к кровати, затем провел пальцем вдоль багровой полосы – желе из красной смородины.

– Это был кровавый понос, – сообщила старшая.

Кто бы сомневался! Чейз стиснул зубы.

– Начиная с этой минуты, вы больше не получите никакого желе. Никакого, вы меня слышали? Никакого джема и варенья.

– Никакого желе? – скорбно переспросила младшая, Дейзи. – Но почему?

– Потому что я не собираюсь читать панегирик следующей жертве ваших проказ, покрытой болячками из мармелада. Вот почему. Да, и никаких спелых персиков тоже! На прошлой неделе из-за приступа дизентерии у Миллисент был безнадежно испорчен ковер в гостиной.

– Но...

– И не спорьте. – Он выставил вперед указательный палец в направлении своих воспитанниц, пребывавших в печали. – Или я запру вас в этой комнате и посажу на сухари.

– Какое готическое варварство! – заявила старшая, Розамунда.

– Боюсь, мне пора уходить, – прервал их пререкания слабый голос мисс Маунтбаттен, стоявшей в дверях.

Александра сделала незаметное движение, чтобы схватить свою сумку и исчезнуть.

К черту!

Чейз быстро подошел к карте на стене и воткнул булавку в первую подвернувшуюся ему территорию.

– Начинайте собирать вещи.

– В Лапландии нет школ-интернатов, – заметила Розамунда.

– Для начала я приготовлю деньги, – сказал он, направляясь к двери. – Надеюсь, вы любите селедку? – И бросился вслед за новой – даст Бог, еще не отказавшейся от места! – гувернанткой. – Подождите!

Чейз помчался вниз, перепрыгивая через три ступеньки, и даже съехал по перилам, чтобы перехватить Алекс на следующей лестничной площадке.

– Мисс Маунтбаттен, подождите! – В броске он наконец поймал ее за руку.

Они стояли на лестничной площадке. Алекс была маленького роста, а он возвышался над ней. Ее макушка доставала ему до середины груди. Смешно было в такой ситуации продолжать разговор. Он отпустил ее руку и спустился на две ступеньки, чтобы их глаза оказались на одном уровне.

Взглядом Алекс была готова сбросить его с лестницы. При таком хрупком сложении она производила впечатление сильной женщины. Изящный, слегка вздернутый нос, оливковая кожа и простой пучок блестящих, черных как ночь волос. Бездонные черные глаза уставились на него, словно увидели что-то там, в глубине. Ему потребовалось время, чтобы собраться.

– Миллисент – это кукла Дейзи. Девчонка хоронит беднягу по меньшей мере раз на дню, но...

Проклятье, он оставил красные пятна на ее рукаве, и только Господь знает, за что она примет эту субстанцию.

– Нет, это не то, о чем вы подумали. Это всего лишь желе из красной смородины. – Чейз вытянул перепачканный указательный палец. – Можете убедиться.

Алекс захлопала глазами.

– Вы предлагаете мне облизать ваш палец?

Чейз вытер руку о сорочку. Господи, он все испортил! Если девушка стоит на страже своей добродетели, ему это не поможет. Любая чувствительная особа женского пола двадцать

раз подумает, прежде чем устроится на работу в дом скандального повесы, пусть даже воспитанницы его будут сущими ангелами. А девчонки были настоящими исчадиями ада.

У места, которое он предлагал, было мало преимуществ. Пожалуй, только одно.

– Я хорошо заплачу, – сказал мистер Рейно. – Астрономическую сумму.

– Это ошибка. Я пришла сюда, чтобы устроиться к вам в качестве часовщика. Я не гувернантка. Меня этому не учили, у меня нет опыта. Кроме того, гувернантки – это женщины, получившие хорошее воспитание, не так ли? Я и этому требованию не отвечаю.

– Мне все равно, хорошо вы воспитаны, плохо или вообще никак. Вы образованны, вам известны правила приличия, в вас... есть дыхание жизни.

– Я уверена, что вы легко найдете кого-нибудь, чтобы заполнить вакансию.

– Вакансия была заполнена. Потом снова освободилась. И так неоднократно. Иногда по несколько раз за день. – Вы не похожи на других кандидатов. – Он замялся. – Вы другая.

Она действительно другая.

Перед ним стояла молодая женщина, которая только что чуть было не лишила его самоуважения. Она посчитала его грубым, неотесанным бездельником. Жалким оправданием благородства происхождения и мастерства портного. Мисс Маунтбаттен – весьма мудро с ее стороны – не желала иметь с ним ничего общего.

А вот Чейзу отчаянно захотелось удержать ее в своем доме.

Желание, овладевшее им, не было физическим. Ладно, физическим оно было лишь отчасти. Девушка была очаровательной, и ему нравились открытые женщины, которые знали себе цену. Но к влечению примешивалось что-то еще. Ему хотелось произвести на нее впечатление, заслужить ее одобрение.

Она пробудила в нем желание стать лучше. А разве для гувернантки это не самое главное качество? Он должен был заполучить эту женщину в свой штат.

– Только на лето, – волновался Чейз. – Годовая зарплата за пару месяцев работы.

– Извините. – Александра обошла его и продолжила спускаться по лестнице.

– Зарплата за два года. За три!

– Мистер Рейно...

Чейз догнал ее у двери.

– Мои подопечные нуждаются в вас!

Он дождался, пока девушка поднимет на него глаза, и решил выложить последний аргумент.

– Мисс Маунтбаттен... – Он с трудом справлялся с охватившими его эмоциями и напряженно смотрел девушке в лицо. Затем охрипшим голосом прошептал признание: – Александра, вы нужны мне.

Да, именно так! Эта фраза действовала на любую женщину, но не подействовала на нее.

– Нет, это неправда. – Ирония мелькнула в ее глазах. – И не переживайте. Вы скоро забудете обо мне.

А потом сделала то, что Чейзу частенько хотелось сделать самому. Открыла дверь и выскользнула на улицу, даже не оглянувшись.

Глава 3

Через два часа Александра уже стояла у Биллинсгейтских доков, полная страхов.

Июньское утро было пронизано солнечным светом, но она покинула дом мистера Рейно словно в тумане. Алекс настолько была погружена в себя, что пропустила два поворота на знакомой дороге к Лондонскому мосту и опоздала на двенадцатичасовой дилижанс в Гринвич.

Единственным разумным решением было бы нанять лодку и спуститься вниз по Темзе, однако ей хватило одного взгляда на лодчонку и перевозчика, чтобы по спине пробежал холодок.

«Я не могу, не могу!»

А какой выход?

Если дожидаться следующего дилижанса, то к тому времени на мосту будет столпотворение. Мост переполнят экипажи, и дилижанс прочно застрянет в пробке. Она попадет домой только поздним вечером.

Поездку можно было бы отложить, однако сверять время на хронометре один раз в две недели было ее письменным обязательством перед клиентами. Они платили ей за доставку точного гринвичского времени, и она безукоснительно обеспечивала им эту услугу.

«Просто спустись в лодку, – сказала себе Алекс. – Настало время перешагнуть через горькие воспоминания. В конце концов, тебя вырастили на корабле. Торговый фрегат был твоей колыбелью».

Да! Только он чуть не стал и ее могилой.

Тем не менее вот она – стоит у причала десять лет спустя, живая и здоровая. Она сумеет пережить короткую поездку до Гринвича по Темзе.

Надо справиться с собой!

Когда перевозчик стал помогать пассажирам спускаться в лодку, Алекс отступала назад – она будет последней.

– Вы едете, мисс?

– Еду. – Опершись на руку лодочника, она сошла вниз и уселась между двумя пожилыми матронами, положив саквояж на колени.

Лодочник снял канат, который крепил его суденышко к причалу, и Алекс решила переключить свои мысли на что-нибудь другое. Сейчас, когда ей стало так много известно про Чейза Рейно и можно было перестать фантазировать на его счет, значительная часть ее мыслительных способностей освободилась для других рассуждений. Например, почему бы не вспомнить все созвездия, расположенные рядом с Большой Медведицей?

Нет. Это чересчур легко. Она в секунду пробежала в уме весь список: Дракон, Жираф, Рысь, Малый Лев, Волосы Береники, Гончие Псы, Волопас... – на большее сосредоточенности ей не хватило. Как только весло перевозчика ударило по воде, ее мысли разбежались.

Сжав кулаки, Алекс вонзила ногти в ладони, чтобы отвлечься на ощущение боли. Это тоже не помогло. Она не воспринимала ничего, кроме бега воды под днищем. Жуткое ощущение – оказаться во власти волн.

Нет! Она этого не вынесет.

Алекс вскочила и перебралась на корму суденышка. Они только-только отошли, и причал был еще в каком-нибудь футе от лодки.

– Подождите, – попросила она перевозчика. – Я вспомнила кое-что важное. Мне нужно сойти на берег.

– Слишком поздно, мисс. Вернетесь с обратным рейсом. – Лодочник снова взялся за весло.

– Пожалуйста, – попросила Алекс дрожащим от волнения голосом. – Это очень срочно. Я должна сойти. Я...

– Сядь на место, женщина! – гаркнул лодочник, отгребая от причала.

Алекс пришла в ярость. Она вскочила и закачалась, пытаясь сохранить равновесие. Пассажиры испуганно закричали, потому что лодка опасно накренилась на один бок. Перевозчик схватил девушку за подол, пытаясь усадить в лодку, но это только усилило ее отчаяние.

Алекс быстро оценила расстояние между суденышком и причалом. Она сумеет преодолеть его, если прыгнет прямо сейчас!

И она взлетела в прыжке.

Ее расчет был правильным, и если бы нога не скользнула на корме, прыжок получился бы идеальным. Вместо этого Алекс плюхнулась в реку, глотнув приличную порцию грязной вонючей воды.

Когда она вынырнула на поверхность, мужчина на причале схватил ее за руку, подтянул ближе и помог вылезти из воды.

Алекс стала приходить в себя, отплевываясь и кашляя, и вдруг до нее дошло, чего она лишилась. Своей сумки! Хронометра! Когда она оказалась в воде, сумка выскользнула у нее из рук и ушла в глубину.

Погибли ее средства к существованию!

Александра стояла и тихонько всхлипывала, вода стекала с ее мокрого платья.

Темза забрала у нее... Вода – это какой-то ненасытный монстр в ее жизни! Кит Ионы! Сжирает все, что ей дорого, но ее саму выплевывает назад, снова и снова, оставляя с чувством все возрастающей потери и все более одинокой.

И опять у нее не было другого выхода, кроме как зажать себя в кулак и все начать заново.

– Ну, что скажешь? – Чейз раскинул руки и медленно обвел ими комнату, показывая, как продвигается еще не законченный ремонт. – Я заново отделяваю помещение, чтобы превратить его в гнездышко холостяка.

Барроу оглядел разруху в бывшей комнате экономки.

– А куда делись вещи миссис Грили?

– Она теперь занимает спальню на втором этаже. Более чем удачное расположение.

– Позволю себе поинтересоваться, в чем причина всех этих перемен.

Чейз отошел к бару, налил себе и Барроу по стаканчику бренди.

– Пока Розамунда с Дейзи не уедут в школу-интернат, мне необходимо личное убежище.

– Взрослый мужчина прячется от двух маленьких девочек?.. В этом есть что-то умиленное, не правда ли?

– Перестань! Я просто не знаю, что делать с детьми. И нет смысла начинать учиться этому. Я не собираюсь заводить сопливых чумазных созданий. Даже если мне очень захочется жениться, бессмысленно искать пару. Ты уже заявил права на самую лучшую женщину в Англии.

– Это правда.

Джон Барроу-старший был поверенным отца Чейза. Уже с детских лет Чейз и Джон Барроу-младший знали, что продолжают семейную традицию. И понимали, почему так будет, но никогда не заводили разговор об этом. Они были единокровными братьями. Получилось так, что отец Чейза завел связь с дочкой одного из местных джентльменов, и она забеременела. Тогда его поверенный взял девушку в жены, а когда родился ребенок, воспитал его как родного.

Поэтому Чейз и Джон росли вместе. У них были одни и те же учителя, одни и те же наказания. Ссорились они из-за лошадей и девушек. Несмотря на разницу в статусе, молодые люди оставались близкими друзьями и в школьные годы, и потом, позже.

Чейзу очень повезло. Сейчас, когда на него свалились заботы о герцогстве, ему просто необходим был друг, которому можно всецело доверять и который сумел бы помочь ему управлять поместьем.

– Как там мой крестник? – поинтересовался Чейз. – Уже начал ругаться плохими словами?

– Чарлз достоин своего крестного, к сожалению.

– Значит, очаровывает каждую женщину в пределах досягаемости.

– Лежит кверху пузом, когда другие работают.

– Вот что я тебе скажу, – с раздражением заявил Чейз. – Пока тебя здесь не было, я трудился в поте лица. Оглянись и посмотри на результаты этих трудов. Этот бар сделан моими руками. Потребовалось покрыть его несколькими слоями лака. Если тебе этого мало, только за последнюю неделю мне пришлось проштудировать десяток гроссбухов с банковскими отчетами и провести собеседования с пятью кандидатками на место гувернантки.

– Пять кандидаток? И ты не нашел ни одной подходящей?

– Я принимал их всех, но никто не выдержал здесь дольше двух дней. Последняя, например, даже не переступила порога детской, хотя очень жаль. Я понадеялся на нее. Она заметно отличалась от всех остальных.

Обычно Чейз сам убеждал женщин оставить его. Но ему почему-то захотелось, чтобы Александра Маунтбаттен не уходила.

Барроу внимательно посмотрел на него.

– Это странно.

– Что именно?

– Ты вздохнул.

– Ничего странного. В последнее время со мной такое случается все чаще.

– Нет, я говорю о том, как ты вздохнул. В тебе говорит не усталость, не раздражение. Это была... тоска.

Чейз косо посмотрел на друга.

– Не тосковал ни одного дня в жизни. Я даже не знаю, что такое тоска. – Он подтянул на себе жилет. – А сейчас, если ты меня извинишь, я должен отправляться на встречу. Лондонские дамы не могут самостоятельно доставлять наслаждение. Нет, я не прав – они, конечно, могут самостоятельно доставлять себе удовольствие, но при случае благосклонно позволяют мне поучаствовать в этом.

– Кто она на этот раз?

– Тебе не все равно?

– Даже не знаю. А тебе? – Короткий взгляд Барроу был как удар хлыстом. – Когда-нибудь ты будешь вынужден остановиться.

Чейз ошетинился.

– Ты всего лишь мой поверенный. Ты мне не судья. Избавь меня от морализаторства. Я не обещаю женщинам ничего из того, что не собираюсь исполнять.

По правде говоря, он вообще им ничего не обещал. Его любовницы прекрасно знали, что он может предложить им – наслаждение, – а чего не может – ничего больше. Никакой эмоциональной привязанности, никакой романтики, никакой любви.

Никакого замужества!

Война, тяжелая болезнь или собственные непростительные ошибки всегда становятся неожиданностью. Вот так же неожиданно для самого себя Чейз за каких-то три года превратился из четвертого претендента в очереди на дядюшкин титул в его предполагаемого наследника. Такое развитие событий мало кто мог предвидеть, и никто, включая его самого, не хотел этого. Но как только тончайшая связь дядюшки с жизнью прервется, Чейз станет герцогом Бельвуа, получив бремя полной ответственности за земли, капитал и арендаторов.

Вот только он не собирался брать на себя одну-единственную, традиционную обязанность герцога.

Чейз не станет заводить наследника!

Титул Бельвуа по праву должен был принадлежать его кузену Энтони, и поэтому Чейз отказывался узурпировать права наследования. На семейном древе его ветвь была самой слабой, засыхающей, и Чейз собирался ее пресечь. Это последнее, что было в его силах сделать в качестве примирения с дядюшкиной семьей.

А если в будущем ему не грозит связать себя узами брака и завести детей, разве в настоящем он не заслуживает толики удовольствий, получаемых украдкой? Краткая близость там и сям. Пара слов, сказанных шепотом на ухо. Жаркое прикосновение кожи к обнаженной коже. Запах, вкус и податливость женщины, когда она капитулирует перед ним ради наслаждения.

Несколько подаренных ему благословенных часов, когда забываешь обо всем остальном.

– Какую из них лучше повесить над стойкой бара? – Чейз поднял две картины. – Танцовщицу с веерами или купающуюся нимфу? У нимфы роскошные ягодички, а у танцовщицы... такой призывный взгляд.

Барроу проигнорировал вопрос.

– Послушай, если ты так и не нашел или не сумел удержать гувернантку, кто станет заботиться о девочках?

– Одна из служанок. Хэтти, наверное.

Стоило ему это произнести, как сверху донеслись визг и вопли, а потом раздался топот вниз по лестнице.

В дверях показалась Хэтти – волосы растрепались, фартук висит клочьями.

– Мистер Рейно! Мне очень жаль, но ноги моей в вашем доме больше не будет.

Он остановил ее.

– Довольно, Хэтти, ни слова больше. Полный расчет и письмо с рекомендациями получите утром.

Пробормотав слова благодарности, служанка исчезла.

Услышав, как парадная дверь с шумом захлопнулась, Чейз упал в кресло и закрыл лицо руками. Планы на вечер рухнули.

– Ну вот опять, – заметил Барроу. – Все тот же тоскливый вздох.

Вдруг в прихожей звякнул колокольчик.

– Я сам открою. – Чейз поднялся. – Не уверен, что в доме еще остались слуги, которые сделают это.

Он распахнул дверь – на пороге стояла мисс Александра Маунтбаттен, промокшая до нитки, с темных волос капала вода.

Он старался не опускать глаз, но все же потупился. Может потому, что его заботило ее здоровье? Конечно, если под здоровьем подразумевать грудь.

Ему даже удалось рассмотреть соски. Хотя что в этом удивительного? Он провел достаточно много свободного времени, размышляя о сосках. Эта часть женского тела была, пожалуй, самой волнующей.

Под корсажем мисс Маунтбаттен соски выглядели твердыми, как жемчужины. А цветом, вероятно, красные, как рубины. Может, розовые, как топаз или бледный аметист?.. Нет. Учитывая, что у нее черные волосы, соски скорее всего темные, как полированный янтарь.

Услышав дробь, которую выбивали ее зубы, Чейз снова поднял на девушку глаза. Господи, он действительно омерзитель, как она отозвалась о нем утром, и даже хуже того – ни внимания, ни сочувствия.

Мисс Маунтбаттен прикусила нижнюю посиневшую от холода губу.

– Место еще не занято?

Чейз не стал медлить.

– Сколько вы хотите?

– Десять фунтов в неделю. И сто фунтов одновременно, как только ваши воспитанницы уедут в школу.

– Пять фунтов в неделю, – возразил он. – И двести, как только я отошлю их в школу.

– Еще одно. – Из-под влажных ресниц Александра посмотрела на хозяина дома, их взгляды встретились. – Я хочу пользоваться вашим телескопом. Тем, что стоит в вашей...

Скрестив руки на груди, Чейз прислонился спиной к двери.

– Пещере похоти?

– Да.

А он-то подумал, что предложил ей астрономическую сумму. Хотя эта штука ему без надобности.

– Согласен.

Она шмыгнула носом.

– Я приду завтра утром.

Чейз схватил ее за руку, когда она повернулась, чтобы уйти.

– Ради бога! Зайдите, хотя бы чтобы согреться.

«Я тебя согрею», – подумал герцог и тут же отбросил эту неожиданную мысль – он ведь не прыщавый юнец. Тем более что теперь, когда девушка работает у него, таких мыслей у него возникать не должно. Он ведь может вести себя благопристойно.

– Спасибо, но мне нужно собрать вещи.

Она пошла прочь, оставляя за собой мокрые следы. Чейз оглядел холл в поисках зонта и не нашел его. Плаща здесь тоже не было, все-таки на дворе лето.

Выругавшись, с пустыми руками он выскочил из дома и бросился за ней.

– Мисс Маунтбаттен, подождите!

Она обернулась.

– В таком виде нельзя ходить по улицам. – Он сорвал с себя сюртук.

– Я не могу это надеть.

– Можете и наденете. – Чейз накинул сюртук ей на плечи и плотно запахнул.

Она была такая маленькая, что полы доставали ей до коленей. Зрелище одинаково комичное и жалкое.

– Но...

– Да-да, я знаю, вы у нас командир. Гувернантке это только на пользу. Но я ваш работодатель уже целых две минуты. И поскольку я плачу вам, будьте добры, делайте то, что вам говорят. – Застегивая пуговицы сюртука, он продолжил: – Я помню, с каким проворством вы упорхнули от моего предложения этим утром, но потом с вами явно случилось что-то из ряда вон, если вы поменяли решение. Будь я славным малым, обязательно поинтересовался бы, что же все-таки произошло, однако, считая себя эгоистичным мерзавцем, собираюсь в полной мере воспользоваться вашими стесненными обстоятельствами.

Он застегнул все пуговицы до единой и стоял, разглядывая девушку. Вид у нее был как у промокшей насквозь сосиски, запеченной в тесте.

Промокшая, сбита с толку сосиска в тесте с гладкими, черными как смоль волосами, которые на ощупь должны быть похожи на атласную ленту, текущую между пальцами.

Точно! Он вернулся к главной теме.

– Мне в доме нужна гувернантка. И не обычная гувернантка, мисс Маунтбаттен. Мне нужны вы. Именно поэтому я считаю, вам нельзя идти домой под дождем, чтобы не подхватить простуду.

– Но это не...

– Я настаиваю. Самым решительным образом.

Девушка растерянно заморгала.

– Ладно.

Ну наконец-то! Она согласилась с его требованиями и двинулась вперед по тротуару, потом, свернув за угол, исчезла из поля зрения.

Возвращаясь в дом, Чейз вдруг обратил внимание на неожиданно возникшее в нем ощущение. Вернее, на отсутствие ожидаемого ощущения. Мисс Маунтбаттен появилась перед его парадной дверью промокшая до нитки, а на него на улице не упало ни единой капли.

Он посмотрел на небо. Странно... В вышине над ним только стрижи носились стаями да оранжевые полосы света предвещали наступление сумерек.

И никакого дождя!

Чейз задумался, припоминая: дождя не было целый день.

Глава 4

Вернувшись домой, Александра осторожно сняла сюртук мистера Рейно и повесила его на плечики, чтобы окончательно не испортить. Ткань пахла мятой и сандаловым деревом, когда герцог накинул сюртук ей на плечи, а теперь от него разило Темзой.

После ванны она надела свежую рубашку, чистое платье и пошла на запах бисквитов, доносившийся из кухни. Слава богу, у нее есть Никола и только что испеченные бисквиты.

Алекс села к столу и положила голову на скрещенные руки.

– Привет, Ник.

Подруга как раз вытаскивала из печи противень с бисквитами. Сдобный, сдобренный лимоном запах наполнил кухню.

– Господи, что, день уже кончился?

– Боюсь, что да. – Алекс подняла голову. – Ты помнишь того Повесу из Книжной Лавки?

– Повеса из Книжной Лавки? – Никола нахмурилась. – Это ведь не название романтической поэмы? А то я бесполезна в таких вещах.

– Нет, это человек. Мы встретили его у Хэтчарда прошлой осенью. Я держала на одной руке стопку твоих книг, а другой листала свою собственную. Он налетел на меня. Я вздрогнула и все уронила на пол. Тогда он помог мне собрать книги.

Разложив бисквиты на блюде, Никола поставила его на стол.

– Высокий, – напомнила Алекс. – Каштановые волосы, зеленые глаза. Прекрасно одет. Красив. Флиртует с готовностью. Мы все тогда решили, что он, должно быть, жуткий повеса. Пенни потом издевалась надо мной несколько месяцев... Ты должна была запомнить его.

Никола пересела в кресло и задумалась.

– Может, и вспомню. Я тогда покупала книги по естествознанию?

– По кулинарии и римской архитектуре.

– Хм... – С бисквитом в одной руке и с книгой – в другой Никола уже углубилась в свои мысли.

Смирившись, Александра тоже взяла бисквит и откусила кусочек. В этом была вся Никола. Она избавлялась от ненужной информации как от балласта. Ей требовалось свободное умственное пространство, чтобы не только помещать туда как можно больше фактов и теорий, как казалось Алекс, но и разрабатывать свои собственные.

Когда Никола сосредоточивалась, она забывала обо всем. Могла не заметить, как проходят часы и дни, если бы не запах сторовших бисквитов с кухни или кукования двадцати трех...

Тут как раз и началось. Звоном, боем, скрипом и хрипом разразились часы, которые стояли, висели, лежали – даже танцевали! – по углам всего дома.

Шум, производимый ими, не мешал Александре. Часы Николы были единственной причиной, из-за которой она соглашалась жить в таком месте, как Блум-сквер. В обмен на комнату, предоставленную ей подругой, в расположенном в Мейфэре особняке, который достался той по наследству, Алекс следила за ее часами. Бой, производимый ими, был достаточно силен, когда они отбивали час в унисон... Но если синхронность хода часов нарушалась, грохот мог длиться целую вечность.

Когда последний удар отзвучал, Алекс обратилась к той части рассеянного внимания своей подруги, которую та еще могла контролировать.

– Он предложил мне место. Тот самый Повеса из Книжной Лавки.

– Повеса из Книжной Лавки? – В кухонную дверь впорхнула леди Пенелопа Кэмпбелл, раскрасневшаяся и запыхавшаяся. В одной руке она держала сумку, второй прижимала к груди сверток. – Ты действительно упомянула Повесу из Книжной Лавки?

С тихим стоном Алекс опять уронила голову на стол.

– Александра! – Отставив сумку в сторону, Пенни присела к Алекс и сжала ей руку. – Вы наконец нашли друг друга? Я знала это наперед.

– Все не так, как ты думаешь. Это совсем другое.

– Расскажи. Он такой же красавец, каким был у Хэтчарда?

– Пенни, пожалуйста! Я тебя умоляю! Выслушай меня, прежде чем начнешь придумывать имена нашим с ним детям.

– О! – Пенелопа щелкнула пальцами. – Чуть не забыла, зачем пришла. По поводу тележки для Биксби. Он погнался за гусенком и выбил ось. – Услышав свое имя, терьер высунул мордочку из одеяльца. Пенни закудаhtала и засюсюкала: – Ах ты, маленький безобразник! Даже не представляю, что бы я с тобой делала, если бы у тебя были все четыре лапы.

Никола залезла в сумку Пенелопы и вытащила хитроумную штуку: маленькую тележку, которую приспособила для терьера вместо задних лап, – перевернула колесами вверх и осмотрела ось.

– Тут работы на пять минут.

– Так вот, Алекс, ты говорила...

– Алекс сказала, что Повеса предложил ей место. – Никола достала небольшой ящик с инструментами и стала рыться среди гаечных ключей, отверток и щипцов. – Вот и все.

– Понятно, что он предложил ей работу, – отозвалась Пенни. – В качестве предлога. Так он будет видаться с ней один раз в неделю. Надо же с чего-то начать.

Алекс положила ладони на стол.

– Если ты собираешься и дальше придумывать свои истории, я лучше пойду спать.

– Нет-нет! – Пенни сунула Биксби бисквит. – Мы тебя слушаем.

Александра налила себе чаю и начала свой рассказ заново. К тому времени, когда она дошла до конца своей истории, блюдо с бисквитами опустело, а Биксби уже нарезал круги на своей тележке вокруг стола.

– Он выбежал за тобой и предложил свой сютрук? – вздохнула Пенни. – Как романтично!

– Романтично? – Никола состроила гримасу. – Ты, наверно, пропустила такую мелочь: он запер двух маленьких девочек в мезонине и посадил на хлеб и воду.

– Совсем нет, – возразила Пенни. – Еще одна причина согласиться на работу. Только представь, как эти две приемные крошки нуждаются в воспитательнице.

Алекс сжала виски. О, как ей не хватало Эммы! Она обожала всех трех своих подруг, но Эмма была среди них самой понимающей. Бывшая портниха – ей когда-то тоже приходилось самой зарабатывать себе на жизнь, – в настоящий момент Эмма на последнем сроке беременности с удовольствием проводила время на природе.

Никола недовольно прищелкнула языком.

– Алекс, не могу поверить, что ты согласилась на эту работу.

– Я не могу отказаться. Он предложил астрономическую сумму. За два месяца я получу столько, сколько не смогу заработать за два года, подводя часы. Кроме того, после истории с лодкой у меня нет другого способа зарабатывать на жизнь.

– Ты могла бы обратиться за помощью к своим подругам, – заявила Пенни. – Мы всегда рядом, когда нужны тебе.

– И могли бы вместе наскрести денег, чтобы купить тебе новый хронометр. – Никола оторвалась от лужения, которым занималась. – Ты прекрасно знаешь, что можешь оставаться здесь, у меня, столько, сколько захочешь.

– Все это очень мило с вашей стороны, но что, если вы ссудите мне деньги, а я не смогу их вернуть? – Алекс повернулась к Николе. – Что, если вдруг ты решишь выйти замуж, а твой муж не захочет присутствия в доме незамужней женщины?

Никола хмыкнула.

– Я? Замуж? Смех, да и только.

– Нет, это не так, – запротестовала Пенни. – Это абсолютно естественно, если полный жизненных сил джентльмен влюбится в тебя и сделает предложение.

– Думаешь, я захочу его принять? Это еще вопрос.

Александра порадовалась, что разговор перешел на Николу. Риск, который она брала на себя, был громаден, и она не могла не думать об этом. Если она не получит работу у мистера Рейно, то потеряет возможность зарабатывать себе на жизнь. Как бы Алекс ни преклонялась перед своими подругами, она мечтала о своем собственном уголке... О собственном доме!

Пусть это будет маленький коттедж где-нибудь в сельской местности, главное, чтобы он принадлежал ей. Она мечтала чувствовать под ногами настоящую, свою землю, вращаться в почву, как дерево, корнями.

И чтобы больше никакого дрейфа по воле волн!

Однако для осуществления ее плана требовались деньги. Большие деньги. Она внимательно пролистывала газеты, надеясь найти объявление о сдаче дома внаем, чтобы узнать, сколько это стоит. Расписала свой бюджет и определила то количество денег, которое ей нужно положить в банк, чтобы жить на проценты.

Четыреста фунтов!

За три года ей удалось бы отложить не больше пятидесяти семи.

Сейчас у нее появился шанс к Михайлову дню получить двести пятьдесят фунтов. За такие деньги она готова очистить от мусора всю базарную площадь Шеперд-маркет под палящим солнцем.

– Я пойду наверх, мне нужно собрать вещи. Я пообещала приступить к работе завтра утром.

– Поосторожней с ним, Алекс, – предостерегла Никола. – Если он и в самом деле повеса, как ты говоришь...

– Поверь мне, тут нечего бояться. Я ему неинтересна. Он даже не вспомнил, что мы уже встречались. Судя по всему, я человек незаметный.

– Подожди! – Пенни схватила подругу за руку. – Не желаю больше слышать такое. Все как раз наоборот.

Чудесная, милая Пенни! Сердце ее открыто для всех потерянных и потерпевших крушение созданий. Можно не сомневаться, она знает имя и повадки каждой мышки в кладовке. Но большинство людей не похожи на Пенни. Уже в который раз Александра, доверившись своим надеждам, испытывала жестокое разочарование.

– Это неважно – вспомнил он меня или нет. Я буду заниматься его подопечными. Может, даже и вовсе не буду с ним видеться.

– О, ты увидишься с ним, – пообещала Пенни. – В особенности если выйдешь из своей комнаты побродить по дому ночью. Начни с библиотеки.

– Запирайся в своей комнате, – подхватила тему Никола. – Я сделаю тебе задвижку.

– Прекратите, обе! Я согласилась занять высокооплачиваемое место всего до конца лета. До вчерашнего дня я подводила часы, с завтрашнего дня стану гувернанткой. В этом нет никакой романтики. И опасности никакой нет. Это просто работа.

– Нельзя быть такой здравомыслящей постоянно, – заметила Пенни.

Легко ей говорить, имея собственный особняк и тысячу фунтов годового дохода. Подруги могли позволить себе не быть здравомыслящими постоянно, но Александра – нет. Терять голову ей непозволительно.

К счастью, такого шанса больше не представится. И дело не в том, что Рейно может очаровать любую женщину в Лондоне. Все намного проще. Сейчас, когда она убедилась в бесстыдстве его натуры, он перестал быть для нее привлекательным. Ее больше не тянуло к нему.

И его улыбка не влекла.

И глаза не завораживали.

И не возбуждала – уж это совершенно точно – его обнаженная грудь.
И голос, и крепкие руки, и остроумие, и шарм – ничто ее не интересовало.
О, Алекс, какая ты все-таки глупая!

Глава 5

На следующее утро Александра приступила к своим обязанностям. На этот раз она постучала в парадную дверь, и, к ее огромному облегчению, дверь ей открыла экономка.

Миссис Грили оглядела девушку с ног до головы.

– Я-то думала, вы та самая девушка, которая подводит часы.

– Была ею, – ответила Александра. – А теперь, судя по всему, буду гувернанткой.

– Хм. К концу дня вы скорее всего будете опять заниматься часами. – Экономка махнула рукой в сторону лестницы. – Заходите. Я провожу вас в детскую и распоряжусь, чтобы Джейн приготовила комнату для вас, а Томас отнес туда ваши вещи.

Алекс подумала, что Джейн и Томасу хорошо бы подождать, выдержит ли она это утро, чтобы не утруждать себя лишний раз.

Когда Александра вошла в детскую, там не разыгрывалась очередная убийственная сцена. Слава богу! У нее появилась возможность оглядеться по сторонам. От того, что она увидела, у нее перехватило дух.

Комната была словно сказочное видение. Вся белая, кремовая и бледно-розовая. Как витрина кондитерской лавки. Белые панели закрывали стены до половины, а верхняя половина стен была выкрашена в небесно-голубой цвет и расписана побегами плюща, которые изящно тянулись к потолку.

Среди множества игрушек Алекс увидела лошадку-качалку, кукольный чайный сервиз, красивых марионеток. Под подоконником стояла затянутая мягкой тканью скамейка, а по бокам от окна висели полки, забитые книгами.

Отделка комнаты отличалась новизной, а обстановка поражала роскошью. Из этого Алекс сделала два вывода: во-первых, помещение специально готовили для девочек, во-вторых, денег на убранство не жалели.

– Вот это Розамунда. – Экономка указала на старшую девочку, читавшую на скамейке возле окна и даже не поднявшую головы. – А это Дейзи, – добавила миссис Грили.

Дейзи хотя бы дала понять, что узнала ее, потому что присела в коротком реверансе. Ее глаза, светло-голубые и огромные, размером с шиллинг, не отрываясь смотрели в пол. Она бережно прижимала к груди куклу. Кукла была дорогая, головка вырезана из дерева и покрыта гипсом, щеки розовые, губы красные.

Александра подошла к младшей девочке.

– Мне очень приятно познакомиться с вами, Дейзи. А это, должно быть, Миллисент?

– Не приближайтесь! У нее чахотка.

– Чахотка? Мне очень жаль услышать такое. Но я не сомневаюсь, что вам удастся выходить ее к завтрашнему утру.

Девочка рассудительно покачала головой.

– Она умрет к завтрашнему утру.

– Нет... конечно, нет...

– Точно умрет, – сухо отозвалась Розамунда со своего места. – Лучше заготовьте заранее несколько слов для соболезнования.

– Несколько слов для чего?

Не шевеля губами, Дейзи изобразила надрывный кашель.

– Миллисент требуется тишина.

– Ну разумеется. Вы знаете, какое самое лучшее лекарство от чахотки? Свежий воздух и солнечный свет. Прогулка по парку пойдет ей на пользу.

– Никаких прогулок, – заявила миссис Грили. – Они должны сосредоточиться на уроках. Мистер Рейно отдал на этот счет строгое распоряжение.

– О, тогда ладно. Возможно, у нас получится облегчить состояние Миллисент другим способом. – Александра задумалась. – Может, ей полегчает от чая с молоком и сахаром и тарелочки заварного крема? Что вы думаете на этот счет, Дейзи? Накормим ее?

– Никакого заварного крема! – отрезала миссис Грили.

– Крем им тоже не полагается?

– Это все из-за Дейзи, – объяснила Розамунда. – Она поставила Миллисент отвратительный диагноз и использовала крем под видом мокроты.

Прижав куклу к груди, Дейзи обратилась к ним, понизив голос:

– Пожалуйста, дайте Миллисент провести в спокойствии последние часы жизни.

– Я не буду нарушать спокойствие, если ты не будешь мешать мне, – заявила Розамунда. – Не надо было будить меня кашлем и хрипами среди ночи.

Теперь, когда удалось завладеть вниманием Розамунды, Алекс решила попытаться наладить с ней контакт.

– Что вы читаете?

– Книгу, – коротко ответила девочка и перевернула страницу.

– Сказки?

– Нет, это сборник практических советов «Десять простых способов замучить гувернантку».

– Наверное, с удовольствием сама напишет второй том, – пробормотала миссис Грили. – Повар подаст вам ланч в полдень.

Экономка исчезла, оставив Алекс со строптивыми девочками. У нее заныло под ложечкой.

«Спокойно!» – сказала она себе.

Розамунда и Дейзи всего лишь девочки, в конце-то концов. Сироты, которых передавали от одного опекуна к другому. Если они встречают очередную гувернантку с недоверием, так это совершенно нормально. Алекс сама была сиротой. Она их понимала. Ей потребуется время, чтобы добиться доверия своих воспитанниц.

– У нас сегодня не будет уроков, – объявила Александра.

– Не будет уроков? – Вскинув брови, Розамунда посмотрела на нее из-за книги. – И что мы будем делать целый день?

– Ну, я, например, намерена осмотреть классную комнату, потом, может, написать пару писем и почитать книгу. А как вы проведете день – решать вам.

– Значит, вы собираетесь обманывать нашего опекуна, который платит вам, и будете позволять делать все, что нам заблагорассудится? – спросила Розамунда. – Мне это нравится.

– Но у нас для уроков впереди целое лето. Разумеется, если вы хотите начать заниматься прямо сегодня...

Розамунда снова уткнулась в книгу.

Алекс вздохнула с облегчением. По правде говоря, у нее не было ни единой мысли о том, с чего начать. Превратиться в гувернантку вчера вечером не казалось чем-то немыслимо трудным – она получила хорошее образование, в конце концов, – но сейчас, стоя посреди детской, Алекс ощущала себя заблудившейся в лесу.

Девочки занялись своими делами, а она решила оглядеться. В смежной комнате была устроена учебная аудитория. Ее отделали с такой же тщательностью, как и детскую. Здесь стояли два детских письменных стола, стол для взрослого с необъятной столешницей, а на стене висела огромная, как простыня, аспидная доска. На доске кто-то мелом аккуратно вывел: «Письмо». «Счет». «География». «Правила поведения». «Рукоделие».

Алекс подошла к карте мира, висевшей на стене. Континенты на карте были утыканы булавками явно в случайном порядке. Мальта, Финляндия, Тимбукту, какой-то островок в Индийском океане, пустыня Сахара.

У ее локтя возникла Дейзи.

– Сюда нас пообещал отправить в школу-интернат мистер Рейно.

Алекс рассмотрела варианты.

– На вашем месте я, не задумываясь, выбрала бы Мальту. Там очень красиво.

– Вы были на Мальте?

– Я побывала во многих местах. Мой отец был капитаном корабля. – Алекс по-новому воткнула булавки, отметив самые известные порты. – Вот это Макао, а это Лима, тут Лиссабон, а тут Бомбей. Я родилась недалеко вот от этого места. – Она воткнула последнюю булавку.

– Как оно называется?

– Прочтите сами.

Дейзи кинула на нее короткий испуганный взгляд и шепотом сказала:

– Я не умею.

– Ма-ни-ла, – прочитала ей по слогам Алекс. – Крупный порт на Филиппинских островах. Семь лет, а девочка не умеет читать?.. Бедняжка!

– Скажите, Дейзи, достаточно ли здесь у нас карандашей и кусочков мела? Не можете ли мне пересчитать их?

– Я...

– Дейзи! – резко прервала их Розамунда. – По-моему, Миллисент кашляет.

Когда сестра вернулась в детскую, чтобы позаботиться о больной, Розамунда одарила Алекс долгим красноречивым взглядом: «Держись подальше от моей сестры».

Алекс слегка оробела. Брошенный ей вызов пугал. У нее не было учительского опыта, младшая из ее подопечных еще не умела читать, а со стороны нанимателя никакой помощи не предвиделось.

Тем не менее было очевидно, что самая грозная помеха во всей этой коллизии будет исходить от недоверчивой, с железной волей девчонки десяти лет от роду.

Что ж, сражение началось!

Если Александра не хочет выйти из этого дома без единого пенни, ей придется одержать победу в этой войне.

Глава 6

В тот вечер Чейз стоял в дверях спальни новой гувернантки и изо всех сил боролся с одолевавшим его соблазном.

Он остановился у ее комнаты по причине самого невинного свойства. Ему захотелось убедиться, что мисс Маунтбаттен уже освоилась в своем новом жилище и у нее нет к нему претензий. Однако на самом деле Чейз сейчас наслаждался видом ее аккуратных круглых ягод. Это совсем не означало, что он пожирал ее глазами. Он ведь не какой-нибудь старикашка извращенец, который через специально проделанную дырочку подглядывает, как женщина раздевается в своей спальне.

Дверь в ее комнату была открыта, девушка стояла к нему спиной и не догадывалась о его присутствии, вероятно, потому, что склонилась над этим треклятым телескопом и позволила разглядывать свои восхитительные ягодки, напоминавшие формой персики, более округлые, чем он мог себе представить, учитывая хрупкость ее фигурки.

Инстинктивно растопырив пальцы, он мысленно приложил ладони к этим прелестным ягодкам, чтобы оценить их размер и упругость.

Чейз, ты жалкий мерзавец!

Встряхнув руки, он громко откашлялся.

– Мисс Маунтбаттен...

Вздвогнув, она резко выпрямилась и повернулась к нему.

– Мистер Рейно?

– Скажите, вам нравится то, что вы видите?

– А что я вижу?

Ее взгляд бежал от ног до головы. Одетый в вечерний костюм, Чейз мог только предполагать, что он сейчас представляет собой полную противоположность тому, каким предстал перед ней в первый раз. Он только что принял ванну, побрился и прошел через все мучения, полностью застегнув манжеты.

Александра растерялась.

– Я... э... Как бы это сказать?..

– Комната, – подсказал Чейз. – Она вам нравится?

– Ах это... – протянула девушка с явным облегчением. – Да. Благодарю вас. Даже не думала, что она окажется такой просторной.

– Обычно миссис Грили размещает гувернанток в комнате рядом с детской, но я сказал ей, что вам требуется комната с самым большим окном и чтобы ничто не загораживало вид неба. Я пришлю вам служанку, которая поможет распаковать вещи.

– Я уже распаковала вещи, – застенчиво ответила девушка. – Со мной был всего один сундук.

– Ну конечно. – Чейз переступил порог комнаты, а потом подошел к окну, чтобы посмотреть, как установлен телескоп. – Тут есть место для небольшого балкончика. Распоряжусь на этой неделе установить платформу и огородить ее перилами.

– Очень щедро с вашей стороны.

– Пустяки! Эгоизм в чистейшем виде. Если вы будете довольны своими условиями жизни, вам наверняка не захочется бросить это место. – Чейз наклонился и заглянул в окуляр. – Зачем он вам потребовался? Мне страшно любопытно, ничего не могу с собой поделывать.

– Ведь наш договор закончится. В конце лета мне потребуется новая работа.

– Должен ли я понять это так, что вы вернетесь к настройке часов?

Она покачала головой.

– Я планирую начать новое дело. Вместо того чтобы продавать свое время, я собираюсь продавать кометы.

– Продавать кометы? – Чейз коротко рассмеялся. – О, я должен это услышать! Умоляю, расскажите, как вы собираетесь их отлавливать?

– Аристократы просто сходят с ума по кометам, но у большинства нет времени или интереса, чтобы заниматься каждодневной работой, связанной с наблюдением за кометами. Я стану наблюдать за небом и наносить на карту результаты наблюдений. Найду спонсора, который станет платить за мои усилия.

– То есть вы отыщете комету, а этот самый спонсор объявит, что открыл ее он? Это выглядит в высшей степени несправедливо.

– Меня не интересует слава. Женщина в моей ситуации должна быть практичной.

– Значит, вы собираетесь сделать астрономию своим бизнесом? Невероятно!

Алекс улыбнулась.

– Это лишь звучит захватывающе. На самом деле мне предстоит довольно скучная работа: часами разглядывать какое-нибудь темное пятно, чтобы увидеть нечто неясное, окруженное дымкой.

– Неясное? Исключительно научный термин. Именно неясное.

– Могу показать, как это делается, если хотите.

Она подошла вплотную к нему, потом, настраивая телескоп, наклонилась, предоставив ему возможность – как будто он мог отказаться – заглянуть за вырез своего платья. Чейз, конечно, отвел глаза – правда, не в первый момент. Это секундное созерцание двух божественно совершенных полусфер нежной женской плоти должно было продлиться намного дольше.

Чтобы отвлечься, он обвел взглядом комнату.

Что, это все, чем она владеет? Комната оставалась пустой. Правда, на столике для умывальных принадлежностей появился туалетный набор, надо сказать, весьма скромный. На угловой тумбочке разместились книги и письменные принадлежности. Несколько платьев висели на плечиках.

На стене над столом были припилены вырезки из газет и журналов, карта созвездий, открытка, выпущенная в память о появлении кометы Галлея, и еще какие-то небольшие заметки, которые он не смог разглядеть на таком расстоянии. Прочитал лишь заголовок одной из них – «Коттедж в аренду».

– Вот оно. Взгляните, если хотите. – Алекс сделала знак, чтобы Чейз заглянул в окуляр.

Он неуклюже наклонился и, зажмурив один глаз, уставился другим в бронзовую трубу. В качестве награды ему досталось туманное видение абсолютно ничем не примечательной световой точки.

– По-моему, я настоящий астроном. Могу заявить с полной уверенностью, – скосил он на нее взгляд, – что увидел неясное небесное тело, окруженное дымкой. Уверен, что Королевское астрономическое общество должно немедленно вручить мне медаль.

– Это не комета. Большинство небесных тел, окруженных дымкой, кометами не являются. Прежде чем объявить о своем открытии, вам придется исключить другие возможности. К счастью, астрономы до нас уже проделали большую часть этой работы. Существует книга, изданная одним французом, Шарлем Мессье. Он свел в каталог огромное количество небесных тел, которые не являются кометами, чтобы охотники за кометами просто не тратили на них время.

Александра принесла со стола стопку сшитых листов и дала ему посмотреть.

– Вы сказали – книга. Но это совсем даже не книга.

– Не смогла ее купить, – призналась Алекс. – Поэтому пришлось взять книгу в библиотеке и переписать ее. Проконсультировавшись с Мессье, нужно просмотреть список уже иден-

тифицированных комет. Если в нем нет объекта, который вы обнаружили, можете запросить подтверждение в Королевском астрономическом обществе. Но и тогда в девяти случаях из десяти может получиться так, что ваша комета уже открыта.

– Но если небесное тело в дымке не комета, тогда что это?

– В большинстве случаев это туманность или скопление звезд.

– Боюсь, вам придется более подробно объяснить мне, в чем тут разница, если хотите, чтобы я понял предмет нашего разговора. Иначе вы будете продолжать говорить, а я в это время начну разглядывать мочку вашего уха.

Алекс вспыхнула.

– Можете себя не утруждать.

– В этом нет ничего трудного. – Скрестив руки на груди, Чейз привалился спиной к наличнику. – Я большой знаток мочек ушей, а ваши, надо сказать, исключительно хороши.

– Я имела в виду, что не нужно притворяться, будто вам интересны сведения из астрономии, мистер Рейно. Уверена: ваш сегодняшний вечер занят целиком, поэтому не хочу задерживать вас.

– Я не притворяюсь. Мы ведем потрясающую беседу. Даже несмотря на то что бо#льшая часть сказанного вами до меня просто не доходит.

Это была не вся правда. Александра Маунтбаттен восхищала его, поэтому он очень внимательно относился к тому, что имело хоть какое-то отношение к ней. Он отнюдь не собирался устремлять свои взоры в звездное небо, ему больше всего хотелось наблюдать, как она смотрит в телескоп. И тут ее фигура и мочка уха выходили на первое место.

Стоя к ней так близко, Чейз ощущал легкий аромат апельсиновой воды, который витал вокруг нее. Недостаточно сильный, чтобы определить его как аромат духов, но вполне ощутимый для того, чтобы представить, как она бережливо добавляет в ванну всего несколько капель ароматной воды. В этом тщательно выверенном ею количестве капель была уступка женскому желанию ощутить себя в условиях роскоши и одновременно проявить экономию, которая позволяла растянуть содержимое маленького флакона на как можно более долгий срок.

Крохотный крестик из коралловых бусин висел на узкой атласной ленточке. Длины ленты было достаточно только для того, чтобы подвеска покоилась у основания шеи. Что ж, опять тот же самый баланс между стремлением украсить себя и практичностью. Самого лучшего качества лента, которую она, судя по всему, смогла себе позволить, была куплена в самом малом количестве.

Черт, как было бы приятно нарушить этот баланс! Если бы девушка не работала у него, он забросал бы ее подарками и предметами роскоши. Снял бы все эти треволнения, которые возникают между ней и небесными объектами.

– Пожалуйста, продолжайте, – сказал он. – Я весь внимание.

– Туманность – это облако звездной пыли, которое перемещается в космическом пространстве. Звездные скопления – по названию понятно, что это такое. Иногда звезды в небе оказываются так близко друг к другу, что их ошибочно принимают за одну звезду. Мой любимый туманный объект, однако, не туманность и не кластер. У Мессье он значится под номером сорок. Это двойная звезда. Возможно, что это даже бинарная звезда.

– Правда? – Чейз опять принялся созерцать мочку ее уха.

Наклонившись к телескопу, девушка припала к окуляру.

– Бинарная звезда возникает, когда одна звезда силой гравитации притягивается к другой. Сближение будет происходить до того момента, пока силы притяжения двух звезд не уравновесятся. И тогда они окажутся привязанными друг к другу навсегда, обреченные вращаться в паре, как... танцоры в вальсе. Мне так кажется. – Она сделала пометку в своем блокноте. – Самое волнующее то, что центр притяжения бинарной звезды находится между звездами, образующими пару.

Какое-то время Чейз молчал.

– Будь я проклят! – наконец заявил он. – Вы были абсолютно правы, когда отругали меня за то, что этот прибор стоит без дела.

– Очень приятно, что вы поняли его ценность.

– Абсолютно! Подумать только, я мог бы уже давным-давно пользоваться им, чтобы соблазнять женщин. – Увидев, что Александра осуждающе смотрит на него, Чейз попытался оправдаться. – Ну ладно. Эти вальсирующие звезды... Звучит чертовски романтично!

– Не замечала, что вы склонны к романтике.

Их глаза встретились, и им обоим стала понятна одна очевидная вещь.

Александра была ближайшей к нему особой женского пола.

Чейз не собирался – ни в коем случае! – домогаться гувернантки, работающей в его доме. Да, он повеса, большой любитель женщин, но для джентльмена гоняться за кем-то из домашней obsługi не просто проявление распушенности. Это вызывает отвращение.

– Девочки... – пробормотал Чейз, преодолевая возникшее напряжение. – Как прошел ваш первый день?

– Многообещающе.

– Я и не сомневался.

– Вы могли бы рассказать мне об их интересах, о том, как их учили – обо всем вообще?

– Их практически ничему не учили, но все равно им удалось вырасти умными. Сфера их интересов: шалости, болезни, мелкое воровство, преступные заговоры против прислуги...

Александра тихо засмеялась.

– Вы говорите так, словно они закоренелые преступницы.

– Они уверенно идут по этой дорожке. Но теперь есть вы. Вы возьмете их в руки. Я верю в вас, мисс Маунтбаттен. – Он игриво похлопал ее по плечу. – У вас врожденный талант поддерживать строгую дисциплину.

Она сжалась.

– Кстати, об этом...

– Если вы собрались извиняться, то не стоит. Я полностью заслужил вчерашнюю выволочку, и даже более того. Хочу вас заверить: вы уже не увидите хуже того, что видели. Тем не менее я должен сказать вам следующее...

Александра сосредоточилась. У нее имелись пугающе огромные запасы внимания, которым она могла одаривать всех вокруг. И это, естественно, признал Чейз. Эта женщина добровольно вглядывается в пустоту ночи в надежде на то, что когда-нибудь крохотная частичка света блеснет в ответ. Пока Александра рассматривала его, Чейз вдруг понял: ему хочется стать тем, кто принесет ей награду за эти наблюдения.

«Здесь только темнота, дорогуша. Не трать время попусту».

– Если вас беспокоит моя репутация, – сказал он скорее для себя, чем для нее, – то это напрасно. Мысль соблазнить вас никогда не придет мне в голову.

Она кивнула.

– Благодарю за ваши заверения, мистер Рейно. Я с величайшей признательностью принимаю их.

Глава 7

«Мысль соблазнить вас никогда не придет мне в голову».

Как потрясающе точно было выбрано время для этой фразы! На самом деле у этого человека были все возможности превратить гордость Александры во что-то вроде выеденного яйца. Вот в эту минуту он выслушивает ее лепет насчет комет, вникает в сказанное, разглядывает мочку уха, а в следующую – встает и исчезает, сказав на прощание несколько слов, которые превратятся для нее в постоянное напоминание о том, насколько она глупа.

Вышивание не относилось к ее хобби, однако Алекс решила, что вышьет эти его слова на куске материи и повесит над своей кроватью:

«Мысль соблазнить вас никогда не придет мне в голову.

Мистер Чейз Рейно».

Алекс больше не удивлялась его популярности у женщин. Просто какой-то дьявольский шарм, казалось, являлся неотъемлемой частью его натуры. Притяжение, магнетизм, наэлектризованность... Вот она – мужская привлекательность Чейза Рейно!

Его кривая улыбка или откровенная насмешка повергали ее в трепет, вызывали дрожь волнения.

С этим она справилась. Но сознание собрало все ее ощущения в плотный комок и положило на полку. Как будто этой трепещущей массе женских реакций требовалось дать какое-то название. И Александра была готова дать ей имя: и-ди-о-тизм.

Вот что это такое!

Она услышала, как хлопнула парадная дверь, и уступила искушению – перегнулась через подоконник и выглянула на улицу. Внизу на тротуаре стоял Чейз, одетый в свой великолепно сшитый сюртук. Слегка подтянув манжеты, он провел рукой по золотисто-каштановым волосам. Пара гнедых рысаков – в масть! – вывернула из-за угла. К тротуару подкатил фаэтон, покрытый по последней моде синим лаком. Грум передал Чейзу поводья.

И он уехал, чтобы провести вечер в компании с друзьями и женщинами. А Алекс осталась, чтобы мечтать о нем... Как последняя дура!

Она задула свечу и лежала без сна, прислушиваясь, не подъехал ли фаэтон, не стукнула ли парадная дверь. Это, однако, не означало, что ее беспокоило, в какое время он вернется домой и вернется ли вообще.

В какой-то момент сон, должно быть, одолел ее, потому что она вдруг проснулась от того, что кто-то дернул ее за руку.

Алекс открыла глаза.

– Розамунда? Это вы?

– Она умерла.

Алекс резко села на постели.

– Умерла?

– Миллисент! Чахотка забрала ее этой ночью.

Кукла! Девочка говорит о кукле.

– Вы меня напугали, Розамунда. – Алекс приложила руку к груди. Теперь сердце будет вот так колотиться день или два.

– К похоронам все готово. Мы ждем вас в детской.

Похороны?

Не дожидаясь дальнейших вопросов, девочка ушла. Алекс встала и быстро оделась. Получилось не очень аккуратно, потому что она еще не совсем освоилась в комнате и вдобавок пробуждение оказалось совсем уж неожиданным. После двух попыток она решила, что часть пуго-

виц можно не застегивать, а трех взмахов щетки, чтобы пригладить волосы, будет достаточно. Зажав в зубах шпильки, она выскочила в коридор и на ходу принялась укладывать волосы в пучок на затылке.

Алекс понадеялась, что для таких похорон не нужно одеваться в формальный траур. Ей удалось второй шпилькой закрепить разваливающийся пучок, когда она вошла в детскую. Завернутая в саван, Миллисент лежала на постели, безучастно уставившись в потолок. Девочки стояли по обеим сторонам кровати. Дейзи накинула на голову обрывок черного кружева, словно траурную вуаль.

Алекс сдерживалась изо всех сил, чтобы не рассмеяться. Не в последнюю очередь из-за того, что во рту у нее оставались несколько шпилек, которые, вздумай она расхохотаться, разлетелись бы по комнате. С прической наконец было покончено, Алекс поправила на себе платье и подошла к кровати, потом шепотом обратилась к Розамунде:

– Что сейчас происходит?

– Мы ждем, когда...

В комнату ворвался мужской голос:

– Какая трагедия! Примите мои самые глубокие соболезнования. О, какая потеря!

К их группе провожающих в последний путь Миллисент присоединился мистер Рейно.

Алекс бросила взгляд в его сторону. На нем был тот же сюртук и сапоги, что и в начале вечера. Манжеты расстегнуты, а галстука не было вообще.

Наверное, остался висеть на каких-нибудь оленьих рогах.

Он подошел к Дейзи и поклонился ей в знак соболезнования, потом протянул руку – девочка что-то приколола к рукаву его сюртука.

Черную траурную ленту!

Алекс вспомнила слова, сказанные им при их первой встрече: «Миллисент – это кукла Дейзи. Девчонка хоронит беднягу по крайней мере раз на дню».

Так вот почему на нем была черная траурная лента в то утро, когда он устроил фарс из собеседования с ней, одетый совершенно не как джентльмен. Он был в трауре, но не по человеку, во всяком случае. Возможно, она поторопилась, так резко осудив его.

Чейз наклонился, чтобы поцеловать Миллисент в лоб.

– Будь благословенна ее душа! Лежит, как будто заснула. Или проснулась? Или что там еще?..

Губы у Алекс стали растягиваться в улыбке, но она низко опустила голову, делая вид, что переживает потерю.

– Давайте начинать, – торжественно произнесла Дейзи.

Они выстроились полукругом у изножья кровати. Розамунда встала справа от сестры. Мистер Рейно занял, вероятно, свое привычное место слева от Дейзи, оказавшись при этом рядом с Александрой.

Ей не хотелось думать о том, где мистер Рейно побывал с того момента, как она видела его в последний раз, но обоняние уловило запах бренди и сандалового дерева. Алекс представила, как он шествует в облаке сигарного дыма. Но ведь никакого намека на духи! Она не должна была испытывать облегчение по этому поводу, но все же испытала.

Потом принялась рассматривать столбики, которые поддерживали балдахин над кроватью, стараясь сосредоточиться на трагедии.

– Мистер Рейно, окажите любезность, произнесите несколько слов, – обратилась к опекуну Дейзи.

– Конечно. – Молитвенно сложив руки, Чейз заговорил нараспев низким печальным голосом: – Отец наш всемогущий, мы собрались здесь сегодня, чтобы передать в твои руки душу Миллисент Ферфакс...

Дейзи толкнула его локтем в бок.

– Миллисент Аннабель Хризантемум Женевиэвы Ферфакс, – поправился Чейз.
Александра закусила губу. Как ему удастся сохранять такой невозмутимый вид?

– Она останется в наших сердцах как верная подруга. Настоящие друзья не живут вечно. Миллисент постоянно была рядом с Дейзи за исключением нескольких раз, когда вываливалась из постели.

О боже! Еще немного – и Алекс разорвет от смеха. Она в этом не сомневалась. Кусать губы и кончик языка уже не помогало. Может, стоит закашляться, чтобы скрыть смех. В конце концов, чахотка – болезнь заразная.

– Пусть самообладание, с которым Миллисент встретила неминуемую смерть, станет примером поведения для всех нас. Ее глаза всегда были устремлены к небесам, и совсем не потому, что у нее отсутствовали веки, чтобы прикрыть их.

Алекс умоляюще посмотрела на мистера Рейно и перехватила его ответный взгляд, полный веселья. Он хотел рассмешить ее, этот ужасный человек! Но когда Алекс решила, что все – сейчас она лопнет от смеха, Чейз крепко взял ее за руку – их пальцы переплелись.

Теперь ей стало не до смеха.

Сердце у нее замерло.

Стоя по другую сторону от мистера Рейно, Дейзи стиснула свободную руку своего опекуна, другую руку протянула Розамунде. Все четверо образовали цепочку. Алекс поняла главное: эти три человека отчаянно нуждаются друг в друге, возможно, даже любят друг друга, но они скорее подхватят чахотку, чем признаются в этом.

Дейзи наклонила голову, покрытую вуалью.

– Давайте помолимся.

Алекс что-то бормотала, пока читали молитву, ее слегка покачивало. Его ладонь была такой теплой и сильной. Перстень-печатка давил на ее средний и безымянный пальцы. Момент был каким-то интимным. То, как они стояли, взявшись за руки и склонив головы в молитве, походило больше не на похороны, а на...

Это больше походило на венчание.

Нет! Нет! Нет!

Что это с ней? Она ничему не научилась за несколько месяцев своих глупых мечтаний. Все ее фантазии лопнули как мыльный пузырь, когда стало абсолютно ясно, что он ее не помнил. Чейз Рейно не ее мужчина. По его собственному утверждению, он никогда даже не подумает о том, чтобы соблазнить ее.

Ей нужно еще и еще раз прочитать то, что она вышила.

Когда молитва закончилась, Дейзи благоговейно уложила многострадальную куклу в ящик для игрушек – импровизированную могилу.

Мистер Рейно продолжал удерживать руку Александры.

– Ну что ж, мисс Маунтбаттен, теперь, когда мы со всем этим покончили, я оставляю вас с вашими воспитанницами. – И мягко пожал ей руку. – Пусть начнется учеба.

Глава 8

Но с учебой возникли сложности. Перед каждым занятием Александре приходилось преодолевать сопротивление десятилетней Розамунды.

После завтрака Розамунда изо дня в день устраивала восстание.

Ее тактикой было молчание, при этом она вовлекала в свой протест Дейзи. Сестры не говорили Алекс ни слова. По окончании похорон они просто не замечали гувернантку. Розамунда читала свою книгу, а Дейзи играла с эксгумированной Миллисент. Эта троица вела себя с Алекс так, будто ее вообще не существовало.

Ладно. Каждая из сторон будет вести свою игру.

На следующий день Алекс даже и не пыталась завязать с девочками разговор. Вместо этого она принесла с собой роман и пакет с бисквитами – Никола прислала ей целую корзинку, – уселась в кресло-качалку и начала читать. Она громко смеялась над смешными местами, ахала над неожиданными поворотами сюжета и в то же время со вкусом жевала бисквиты, уничтожив, наверное, не меньше дюжины.

В одном она была уверена: Дейзи внимательно наблюдает за ней с другого конца комнаты, однако Алекс не отважилась поднять на нее глаза, чтобы убедиться в своей правоте.

Потихоньку это превратилось в обычай. Каждый день Алекс приходила с романом и с новыми бисквитами – творением рук Николы. За лимонными последовали миндальные, потом шоколадные, затем бисквиты с тянучкой. И каждый день, пока она читала и жевала, девчонки решительно не замечали ее.

Так продолжалось до того утра, когда в детскую было невозможно войти из-за вони, висевшей в воздухе. Этот запах перебивал даже аромат свежее выпеченных бисквитов. День был жаркий, и резкий запах превратился в тошнотворный. Девочки выжидающе молчали, а Александра решила не спрашивать их ни о чем, чтобы не дать Розамунде повода торжествовать, и вместо этого сама начала поиски и нашла источник вони. Это был липкий сморщенный кусочек пахучего сыра стилтон, который засунули глубоко в нижний ящик ее стола.

Что ж, это означало, что противостояние приобрело ожесточенный характер. Александра была готова принять вызов.

Ей надоели бисквиты. Она принесла в детскую новую коробку с акварельными красками, которые сияли как драгоценности в ларце, и оставила их так, чтобы до них можно было дотянуться.

Девочки засыпали ее кресло сажей.

Потом Алекс принесла в детскую корзинку с котятками, которых миссис Грили нашла в подвале. Никто бы не устоял перед пушистыми мяукающими созданиями. И Дейзи чуть не сдалась, но Розамунда резко отчитала ее.

В этот вечер полусгнившая слива каким-то мистическим образом оказалась у Алекс в домашней туфле, и она вляпалась в сливу босой ногой.

Розамунда явно рассчитывала, что гувернантка раскричится, начнет бушевать и помчится жаловаться мистеру Рейно, однако Алекс решила не сдаваться. Вместо этого она посмеялась и позволила озорницам делать все, что им хотелось.

И выжидала.

Когда девочки захотят начать заниматься, сами скажут ей об этом, а до тех пор все ее усилия будут напрасными.

Наконец терпение Алекс было вознаграждено. Она все-таки нашла подход к девчонкам.

Как-то после полудня, когда было особенно жарко, Розамунда вдруг заснула над книгой, прислонившись головой к оконному стеклу. Алекс подозвала Дейзи и выложила перед ней в ряд несколько конфеток в фантиках, одну за другой.

– Сколько тут конфет? – шепотом спросила она. – Посчитай их, назови число и заberi себе.

Дейзи с опаской оглянулась на сестру.

– Она спит. И ничего не узнает.

Маленьким пальчиком девочка неуверенно касалась каждой конфетки и считала вслух:

– Одна. Две. Три. Четыре. Пять.

– А в этой кучке?

Дейзи зашевелила губами, ведя счет про себя.

– Шесть!

– Отлично. А сколько всего конфет? Пять плюс шесть – это...

– Дейзи! – неожиданно проснулась Розамунда.

Вздвoгнув, девочка спрятала руку за спиной.

– Что?

– Миллисент тошнит, ее просто выворачивает наизнанку. Лучше займись ею.

Когда сестренка послушно отошла в сторону, Розамунда приблизилась к Александре.

– Я знаю, зачем вы это делаете.

– Кто бы сомневался.

– Вам меня не победить.

– Победить? Не понимаю, о чем вы.

– У вас ничего не получится. Мы не поедem в школу.

Алекс смягчилась.

– Почему?

– Потому что там нас никто не ждет. Мы уже учились в трех школах. Вам это известно?

– Только не говорите, что предпочли бы остаться с мистером Рейно. Послушать его, так вас нужно посадить на черствый хлеб и воду.

– Нам тоже не хочется оставаться с мистером Рейно. Мы никому не нужны. И они все нам тоже не нужны.

Александра узнала этот вызывающий и недоверчивый взгляд, который девочка бросила на нее. Она увидела бы себя такой же, глянув в зеркало лет десять-двенадцать назад.

Ей вдруг захотелось крепко обнять и прижать к себе эту девчушку – природная доброта подала свой голос.

«Неправда! Вы нужны нам. Вас любят. Опекун заботится о вас».

Но ложь – это прибежище для трусов. Да Розамунда и не поддастся на обман. Девочка не нуждается в фальшивых заверениях. Ей нужен кто-то, кто скажет горькую и решительную правду.

– Хорошо. – Алекс сложила перед собой руки на столе и посмотрела в глаза своей подопечной. – Вы правы. Вас передавали от одних родственников к другим, вы уже поучились в трех школах, а мистер Рейно хочет избавиться от вас при первой возможности. Вы никому не нужны. Значит, вам самим нужно решить, чего вы хотите добиться.

Розамунда с подозрением смотрела на гувернантку.

– Я тоже сирота, – продолжала Алекс. – Немного старше вас, конечно, но какое-то время назад я осталась совершенно одна в этом мире. Правда, имелись дальние родственники, которые платили за мою учебу, лишь бы никогда не видеть меня. В этом не было ничего хорошего. Я страдала от одиночества, соученицы были жестоки ко мне, по ночам я плакала больше, чем спала, но со временем поняла, что у меня есть огромное преимущество перед остальными девочками. Они должны были думать о том, как удачно выйти замуж, чтобы поддержать свои семьи. Я никому и ничего не задолжала, не отвечала ни перед кем. Мне не нужно было соответствовать чьим-то требованиям, какой должна или не должна быть юная леди. Моя жизнь

принадлежала только мне. Я могла осуществить любую свою мечту, если была готова упорно трудиться. Вы меня слышите, Розамунда?

Розамунда не откликнулась, но Алекс могла бы поклясться, что девочка слушала ее. Слушала напряженно.

– Так чего вы на самом деле хотите? Если вам дадут возможность выбрать себе жизнь, какой она будет?

– Я хочу бежать отсюда. Не только из этого дома, вообще из Англии.

– И куда вы отправитесь?

– Да куда угодно. На все четыре стороны. Я заберу с собой Дейзи. Мы будем путешествовать по миру, наденем брюки, будем курить сигары и делать все, что захочется.

А Александра надеялась услышать: «Я хочу стать художником», или «... выдающимся специалистом по французской кухне», или «архитектором». Какую бы профессию Розамунда ни назвала, Алекс сумела бы дать ей начальные знания в этой области. Но она была абсолютно уверена, что мистер Рейно ни за что не согласится, чтобы она учила его воспитанниц курить сигары. Да и как учить этому, Алекс сама не знала.

– На первый взгляд это грандиозно, – сказала она. – Но как вы будете зарабатывать на такую жизнь?

– Я вполне могу позаботиться о нас двоих. – Розамунда бросила короткий взгляд на стол. – Так что можете забрать свои девять конфеток и оставить нас в покое.

– Вы же видите, что конфет здесь одиннадцать.

– Уверены?

Алекс пересчитала. Действительно, двух не хватало. Девчонке удалось стащить их прямо у нее из-под носа, причем одна конфетка оказалась уже в руках Дейзи. Было слышно, как младшенькая шелестит, разворачивая фантик.

– Розамунда, вы позволите вам кое-что сказать? Вы, может, в это не поверите, но это чистая правда.

Девочка равнодушно пожала плечами. Это была самая доброжелательная реакция на Алекс за все время ее пребывания в доме.

– Вы мне нравитесь, – сказала Александра. – Вы мне действительно очень нравитесь.

Глава 9

Алекс проснулась в темноте.

В голове стоял туман, который не позволял сориентироваться в пространстве. Она села на постели и тряхнула головой, пытаясь прийти в себя. Сердце бешено колотилось. Влажная от пота ночная рубашка прилипла к груди. Хуже того, желудок сжимали спазмы, подступала тошнота. Как будто Алекс была на корабле, который швыряло штормящее море.

Страх быстро перешел в панику.

Как слепая, она вытянула перед собой руки – пустота. Потом нащупала простыни из нежнейшей фланели – они явно не ее. Спустила ноги с кровати и ощутила подошвами прочный пол. Пол даже не скрипнул под ее весом, когда она шагнула вперед, стукнувшись коленкой о тумбу с ящиками.

Боль привела ее мысли в порядок.

Прижимая руку к животу, она мысленно пересчитала все слои прочного основания у себя под ногами: деревянный пол, цокольные плиты, мощенная камнем лондонская улица, под ней – перемешанная с острой щебенкой земля, которую еще древние римляне топтали своими сандалиями. И все это опирается на скалу, в которую превратился титан Атлас. Он теперь держит город на своих плечах.

Уймись. Все в порядке. Ты, рохля!

Она не барахтается в открытом море. Это особняк мистера Рейно, а она у него служит гувернанткой.

Недостаточно квалифицированная, плохо обученная, никчемная, но гувернантка, несмотря ни на что.

Проглотив ком в горле, Алекс дотронулась кончиком языка до пересохшего нёба. Да, она гувернантка, к тому же страдающая от жажды.

Глаза уже привыкли к темноте. Алекс подошла к туалетному столику и взяла кувшин. Подняла его без усилий. Пустой! Хотя она была уверена, что вчера, после умывания на ночь, в нем осталось немного воды.

Надо бы вызвать горничную, но Александра терпеть не могла беспокоить слуг. Пришурившись, взгляделась в циферблат маленьких походных часов, стоявших на столике. Уже пять утра. Можно подождать еще часок, пока солнце взойдет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.